

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

АФЕРИСТЪ.

КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СЮЖЕТЪ ЗАИМСТВОВАНЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ ШАРЛЯ БЕРНАРА.

Т. Бабушкина.

ПРЕДСТАВЛЕНА ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ

ИМПЕРАТОРСКИМИ ПРИДВОРНЫМИ АНТЕРАМИ НА АЛЕКСАНДР. ТЕАТРЪ

въ С. Петербургъ, 28 іюня 1852 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ И АКТЕРЫ

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

АКТЕРЫ:

- ПАВЕЛЪ ИСАИЧЪ ЦЫПОЧКИНЪ**, служившій по откунамъ *Г. Каратыгинъ 2.*
- ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА**, жена его. *Г-жа Громова.*
- НАДЯ**, дочь пухъ. *Г-жа Читай.*
- ЛУКА ИЛЬИЧЪ НАУМЕНКО**, малороссъ, мужъ Нади. *Г. Григорьевъ 1.*
- САВВА САВВИЧЪ ХАРОХОРОВСКІЙ**, аферистъ. *Г. Марковецкій.*
- ДРУГЪ ЦЫПОЧКИНА**. *Г. Исельевъ.*
- ЖЕНА ДРУГА**. *Г-жа Закаспійская.*
- ПОДЖАРЫЙ ФРАНТЪ**. *Г. Антолини.*
- ЕГОРЪ**, слуга Цыпочкиныхъ. *Г. Разказовъ.*
- МОЛОДЫЕ ЛЮДИ.**
- ГОСТИ.**

Садъ при дачѣ Цыпочкиныхъ. Налѣво отъ зрителя бесѣдка; направо навильонъ, изъ котораго одна дверь ведетъ во внутренность дома, а другая въ спальню Нади. Въ глубинѣ вновь поставленная и еще неокрашенная рѣшетка для вьющихся растеній. Въ бесѣдкѣ диванъ, два стула и столъ, на которомъ лежатъ книги съ ножомъ, для разрѣзыванія листовъ, и одинъ номеръ вѣдомостей.

I.

ЦЫПОЧКИНЪ и ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА въ бесѣдкѣ

ЦЫПОЧКИНЪ (*усполюющимъ голосомъ*). Другъ ты мой! Прасковья Петровна! дружечикъ ты мой!

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Вашъ дружокъ! Не въ томъ дѣло: хотите или нѣтъ сдѣлать то, что я говорю?

ЦЫПОЧКИНЪ. Да, дружечикъ ты мой, это невозможно.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Нѣтъ ничего невозможнаго.

ЦЫПОЧКИНЪ. Но ты не хочешь понять, что требуешь отъ меня нарушенія священнаго обязательства, честнаго слова...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Вздоръ! пустяки! это ничего не значить.

ЦЫПОЧКИНЪ. Ну, ужъ позволь мнѣ доложить, что совсѣмъ не-пустяки, а весьма серьезное дѣло. Выдавая нашу Надю за Науменко, мы ей назначили въ приданое десять тысячъ рублей серебромъ и обѣщали выдать ихъ черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы; но вотъ уже прошло пять, а онъ еще не получаетъ и мѣднаго гроша.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Экой бѣдняжка! Надя наша единственная дочь. Все, что мы имѣемъ, достанется ей послѣ нашей смерти.

ЦЫПОЧКИНЪ. Послѣ нашей смерти! Полно, матушка (*пріосаниваясь*), кажется, мы еще слава Богу! Но не въ томъ дѣло. Я долженъ десять

т: руб. сер. нашему зятю, и мнѣ очень непріятно, что не могъ заплатить въ срокъ этого долга. Хотя бѣдный Лука Ильичъ еще не смѣлъ объ немъ напомнить, но я увѣренъ, что онъ съ удовольствіемъ пощупалъ-бы наши цѣлковички. Содержаніе дома ему стоитъ дорого; онъ поиздержался на свадебныя подарки и на обзаведеніе; ты знаешь, что при женитьбѣ конца нѣтъ расходамъ; и почему знать, можетъ быть, онъ рассчитывалъ на эту сумму, чтобы покрыть ею часть своихъ издержекъ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Экое горе! Ну, подождетъ немножко! Намъ не пропадутъ его деньги. Онъ знаетъ, что ты служилъ по виннымъ откупамъ.

ЦЫПОЧКИНЪ. Такъ что-же?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. А то, что и безъ Науменки нашлись-бы женихи для Нади.

ЦЫПОЧКИНЪ. Это правда! Но какъ-бы то ни было, вотъ уже два мѣсяца, какъ ему слѣдовало получить. Мнѣ очень будетъ совѣстно, если въ одно прекрасное утро онъ отъ меня ихъ потребуетъ, а я не въ состояніи буду удовлетворить его.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*съ презрѣніемъ*). Въ-самомъ-дѣлѣ? Я желала-бы посмотрѣть, какъ онъ осмѣлится сдѣлать подобную выходку; я-бы ему показала, какъ должно обращаться съ такими людьми, какъ ты. Но вы напрасно изволите беспокоиться. Науменко не такой чловѣкъ, чтобъ забылся передъ нами... О, что касается до этого, я отдаю ему полную справедливость.

ЦЫПОЧКИНЪ. Вотъ потому-то, что этотъ бѣдный Науменко настоящій ягненокъ, я и хочу быть деликатенъ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*отъ нетерпѣнія мнетъ въдомости во все время разговора*). Если-бы онъ былъ волкъ, вы-бы вѣрно еще были деликатнѣе; но довольно рассуждать, рѣшимъ. Изъ числа десяти тысячъ рублей, обѣщанныхъ Надѣ, вы уже отдали, три мѣсяца тому назадъ, двѣ тысячи пятсотъ рублей Харохоровскому, которо былъ такъ добръ, что принялъ васъ въ долю въ предпріятіи своихъ *невзрываемихъ пароходовъ*, ручаясь вамъ, по-малой-мѣрѣ, за десять процентовъ. Теперь Харохоровскій предлагаетъ вамъ сдѣлать вторичный вносъ, двѣ тысячи пятсотъ рублей, и я ему обѣщала. Не хотите-ли вы, чтобья отступилась отъ моего слова? (*Бросаетъ на него грозный взглядъ*).

ЦЫПОЧКИНЪ (*испуганный*). Дружекъ мой, я ничего не говорю; я готовъ сію-же минуту исполнить твое желаніе; но Лука Ильичъ меня остана вливаетъ...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Васъ все останавливаетъ; развѣ отъ васъ

требуютъ черезъ море пѣшкомъ перейти! Вотъ что вамъ надо сдѣлать: вмѣсто десяти тысячъ рублей вы будете платить Науменкѣ проценты, пятьсотъ рублей серебромъ въ годъ. Что онъ можетъ противъ этого сказать? Эти-же пятьсотъ рублей вы получите съ денегъ, отданныхъ Харохоровскому за десять процентовъ; такимъ образомъ вы расплатитесь, не вынимая кошелька, и у васъ останется въ карманѣ пять тысячъ рублей серебромъ. Кажется, это ясно?

ЦЫПОЧКИНЪ. Такъ, такъ, но я никакъ не рѣшусь предложить это нашему зятю...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Я берусь.

ЦЫПОЧКИНЪ. Къ тому-же ... пароходы безъ разрыва ... надежно ли это?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Какъ-же не надежно, когда машина не можетъ лопнуть?

ЦЫПОЧКИНЪ. Да, машина! А деньги-то анціонеровъ?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. А! я этого-то и ждала! Вѣрите вы, что Харохоровской дѣловой человѣкъ?

ЦЫПОЧКИНЪ. Разумѣется.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Такъ вы думаете, что онъ хочетъ васъ втянуть въ невыгодную спекуляцію?

ЦЫПОЧКИНЪ. Я ничего не говорю...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Что-же вы говорите?

ЦЫПОЧКИНЪ. Я говорю ...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Стрижено, потому-что я говорю брито, это ваша привычка. Миѣ кажется, вы-бы трехъ дней не пережили, еслибъ вамъ пришлось хоть одинъ разъ со мной согласиться.

ЦЫПОЧКИНЪ (*вздыхая*). Миѣ кажется, что этимъ, напротивъ, всегда кончаются наши разговоры.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Такъ не лучше-ли начинать съ конца? Мы-бы избавились отъ утомительныхъ споровъ. Я надѣюсь, что этотъ разговоръ конченъ и мы согласились. И такъ рѣшено, вы дадите Харохоровскому двѣ тысячи пятьсотъ рублей серебромъ; онъ долженъ пріѣхать къ намъ на дачу сегодня.

ЦЫПОЧКИНЪ (*ходитъ молча, потомъ останавливается передъ женой и смотритъ на нее робко*). Харохоровской будетъ у насъ сегодня?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*отрывисто*). Вамъ это не нравится?

ЦЫПОЧКИНЪ. Я ничего не говорю. Харохоровскій лихой малый .. Bonvivant ... Я съ нимъ всегда радъ сойтись ... только не здѣсь ...

(Понижая голосъ). Между нами будь сказано, мнѣ-бы хотѣлось, чтобы визиты его къ намъ были порѣже.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Это что значитъ?

ЦЫПОЧКИНЪ. Ну, если ты сердишься, я ничего не говорю.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (возвышая голосъ). Развѣ я сержусь когда-нибудь?

ЦЫПОЧКИНЪ. Я ничего не говорю.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Нѣтъ, ужъ если вы начали, надо кончить. За что вы сердитесь на Харохоровскаго?

ЦЫПОЧКИНЪ (стараясь выпутаться изъ своихъ словъ). Я?... я сержусь на этого малаго, на этого молодого человѣка? Нисколько, увѣряю тебя, нисколько, и чтобы доказать тебѣ, что нѣтъ, я исполню твою волю, дамъ ему еще двѣ тысячи пятьсотъ рублей. Что касается до меня лично, я не имѣю противъ него никакой претензiи, но... ну, да ты вѣрно понимаешь, что я хочу сказать... Для Нади...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Только-то?

ЦЫПОЧКИНЪ. Науменко, можетъ быть, находить, что и этого довольно.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Какой вздоръ! Вы сами не знаете, что говорите. Правда, что до свадьбы Нади, Харохоровскiй ѣздилъ къ намъ только для нее, и съ радостiю-бы на ней женился...

ЦЫПОЧКИНЪ. Что-бы и случилось, еслибъ ты захотѣла.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Онъ совсѣмъ не нравился моей дочери.

ЦЫПОЧКИНЪ. Такъ, да я боюсь, чтобы онъ теперь-то ей не понравился.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (строго). Павелъ Исаичъ!

ЦЫПОЧКИНЪ (довольно твердо). Я знаю, что говорю. Тебя бояться и прячутся отъ тебя; оттого ты ничего и не замѣчаешь; а меня считаютъ... такъ... простачкомъ, который дальше носа ничего не видитъ, и лишь только ты отвернешься, предо мной не скрываются.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (съ нетерпѣнiемъ). Объяснитесь. Говорите, что вы видѣли?

ЦЫПОЧКИНЪ. Прежде всего, дружекъ мой, успокойся. Дочь свою любить хорошо, но Надя ужъ не ребенокъ. Притомъ...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (внѣ себя). Да говорите-же!

ЦЫПОЧКИНЪ (теряетъ смѣлость по мѣрѣ того, какъ гнѣвъ жены увеличивается). Что-же говорить?... Мнѣ казалось, что я видѣлъ нѣсколько разъ... то-есть, я видѣлъ въ-самомъ-дѣлѣ... или нѣтъ, я думалъ... я замѣтилъ, что Харохоровскiй не только не отступился отъ нашей дочери, какъ ты сказала, а напротивъ

льнетъ къ ней больше прежняго. Это было-бы очень неловко для бѣднаго Науменки, этой олицетворенной честности, прямодушія. Онъ не далекъ, очень не далекъ; но это не резонъ, чтобы... Словомъ, Надежда Павловна слишкомъ кокетничаетъ съ Харохоровскимъ; я даже хотѣлъ ей это замѣтить.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Не ваше дѣло... Это касается до меня.

ЦЫПОЧКИНЪ. Тѣмъ лучше; ты понимаешь... мнѣ-бы очень было неловко приступить къ такому предмету съ Надей... ну, а ты, какъ мать съ дочерью... Это другое дѣло.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА *(повышая голосъ)*. Я вамъ сказала, что это не ваше дѣло. *(Цыпочкинъ отъ страха съезживается. Прасковья Петровна съ досады продолжаетъ терзать въдомости. За сценой слышенъ стукъ подъѣхавшаго экипажа и вслѣдъ затѣмъ звонокъ)*.

II.

ТѢ-ЖЕ, ХАРОХОРОВСКІЙ и **НАДЯ**, которая выбѣгаетъ изъ своей комнаты и смотритъ изъ павильона въ садъ; **ХАРОХОРОВСКІЙ**, входя, кланяется ей съ выраженіемъ особеннаго удовольствія и плетъ къ ней, не замѣчая **ПРАСКОВЬИ ПЕТРОВНЫ**, которая наблюдаетъ за нимъ сквозь вѣтви сесѣдки. **ЦЫПОЧКИНЪ** выглядываетъ изъ-за нея.

ЦЫПОЧКИНЪ *(вполголоса)*. Ну что? правда-ли моя? она его ждала у окна; едва онъ изъ кареты, какъ вотъ ужъ они вдвоемъ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Гдѣ Науменко?

ЦЫПОЧКИНЪ. Въ огородѣ, чиститъ гряды. Бѣдняжка! только и заботится о спаржѣ, да турецкихъ огурцахъ, тогда какъ эта вѣтренница... *(Показывая на Надю, которая разговариваетъ съ Харохоровскимъ)*. Не помѣшать бы имъ?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА *(не обращая вниманія на вопросъ, про себя)*. Неужели онъ смѣетъ любить ее?

ЦЫПОЧКИНЪ *(съ безпокойствомъ)*. Не совѣтуешь-ли прервать ихъ разговоръ?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА *(опомнясь)*. Оставайтесь здѣсь... *(Цыпочкинъ присѣдаетъ)*. Ступайте прочь!.. *(Цыпочкинъ вскакиваетъ)*. Я вамъ сказала, что это не ваше дѣло.

ЦЫПОЧКИНЪ (*смотря на вѣдомости, робко*). По-крайней-мѣрѣ отдай мнѣ вѣдомости.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*бросаетъ вѣдомости къ нему на столъ*). (*Про себя*). Этого быть не можетъ.

ЦЫПОЧКИНЪ (*беретъ ихъ*). Спасибо, дружекъ мой. (*Про себя*). На силу—то получилъ, пойду заниматься политикой. . . (*Уходитъ, надвывая очки*).

ХАРОХОРОВСКІЙ и НАДЯ выходятъ изъ навильона.

III.

ТѢ-ЖЕ, исключая ЦЫПОЧКИНА.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Они идутъ сюда. Неужели она осмѣлится остаться съ нимъ наединѣ? (*Поспѣшно прячется за бесѣдкой*). Здѣсь я все услышу.

ХАРОХОРОВСКІЙ и НАДЯ въ бесѣдѣ.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*съ жаромъ*). Умоляю васъ, Надежда Павловна, выслушайте меня.

НАДЯ (*ощипывая листочки розы*). Вы требуете невозможнаго; что вы обо мнѣ сами подумаете, если я соглашусь на подобное предложеніе?

ХАРОХОРОВСКІЙ. Хотите, я обойдусь безъ вашего согласія?

НАДЯ. Вы осмѣлитесь?

ХАРОХОРОВСКІЙ (*рѣшительно*). Говорю вамъ, осмѣлюсь; ровно въ полночь я буду здѣсь.

НАДЯ. Вы перелезете черезъ стѣну?

ХАРОХОРОВСКОЙ. Это бездѣлица. Но для чего лазить, когда можно пройти черезъ дверь?

НАДЯ. Какую дверь?

ХАРОХОРОВСКОЙ. Огородную.

НАДЯ (*улыбаясь*). А кто вамъ ее отворить?

ХАРОХОРОВСКОЙ (*вынимаетъ ключъ изъ кармана*). А вотъ кто.

НАДЯ. Ключъ! Онъ пропалъ тому назадъ нѣсколько дней, и мы считали его потеряннымъ,

ХАРОХОРОВСКІЙ. Вы видите, что онъ потерянь не для всѣхъ.

НАДЯ. Такъ это вы его увесли?

ХАРОХОРОВСКІЙ. Я самъ.

НАДЯ. Знаете—ли, что это дѣлають только воры?

ХАРОХОРОВСКІЙ. И влюбленныя.

НАДЯ. И вы намѣрены имъ воспользоваться.

ХАРОХОРОВСКОЙ. Какъ—же!

НАДЯ. Это такое безуміе, что даже не стоить сердиться?

ХАРОХОРОВСКІЙ. Я страшусь вашего гнѣва, но онъ не измѣнитъ нисколько моего намѣренія.

НАНЯ. Ну положимъ, что у васъ достанетъ смѣлости войти въ садъ; но знаете—ли, кого вы тамъ встрѣтите?

ХАРОХОРОВСКІЙ. Мустафу.

НАДЯ. Да, Мустафу, и счастье ваше, если онъ только залаетъ. Недавно онъ чуть не разорвалъ одного работника.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Но вы забыли, кто вамъ подарилъ Мустафу. Все я—же. Умное, вѣрное животное, неспособное сдѣлать непріятности своему старому господину. Онъ ни пикнетъ.

НАДЯ (*улыбаясь*). Не затѣмъ—ли вы намъ его и подарили?

ХАРОХОРОВСКІЙ. А почему—же? Я вамъ уже сказалъ, что я все предвижу; по благоразумію мнѣ шестьдесятъ лѣтъ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*подходитъ еще ближе. Про себя*). Лукавый человѣкъ!

НАДЯ (*продолжая ощипывать розу съ притворнымъ вниманіемъ*). Ну, вотъ вы въ саду; Мустафа вмѣсто того, чтобы разорвать васъ, какъ требуетъ должность его, переходитъ на сторону непріятеля. Потомъ?...

ХАРОХОРОВСКІЙ. Потомъ я пробираюсь тихими шагами, какъ сильфъ, какъ тѣнь; черезъ минуту я у окна вашей комнаты, которая, кажется, рядомъ съ этимъ навильономъ.

НАДЯ. Потомъ?

ХАРОХОРОВСКІЙ (*беретъ тихо ея руку*). Потомъ? Послушайте: нѣкогда, въ Испаніи, прекрасныя сеноры часто обманывали строгій надзоръ, и поздно вечеромъ, когда все спало, исключая Амура, показывались изъ—за рѣшетчатаго окна своимъ воздыхателямъ: неужели вы будете жесточе ихъ?

НАДЯ. Окно мое низко, и къ тому—же безъ рѣшетки.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Кажется, есть ставни?

НАДЯ. Онѣ не замѣняютъ рѣшетки.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Чего вы боитесь?

НАДЯ. Чего я боюсь!... Забавный вопросъ. Вора! Отдайте мнѣ ключъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Ни за что, и если вы меня сравниваете съ воромъ, то знайте, что для счастья видѣть васъ, я готовъ прибѣгнуть къ средствамъ, употребляемымъ этими господами. Ставни и окно не такъ трудно отворить снаружи, какъ вы, можете быть, думаете.

НАДЯ. Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше! Я вижу, что вы рѣшительно хотите помѣшать мнѣ спать, и мнѣ вѣрно будутъ сниться всю ночь нападенія, убійства; при малѣйшемъ шумѣ я вообразу, что шайка разбойниковъ ломится въ мою комнату.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Въ полночь вы услышите этотъ шумъ.

НАДЯ (*серьозно*). А если его услышитъ еще кто-нибудь, кромѣ меня?

ХАРОХОРОВСКІЙ. Я приму предосторожности

НАДЯ (*встаетъ съ живостью*). Я вижу, вы просто съ ума сошли.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*въ восторгъ, про себя*). О! я достигну цѣли. (*Одумавшись*). Умѣримъ восторгъ; женщины не любятъ, чтобы мы радовались въ такихъ случаяхъ.

НАДЯ. Пора вамъ войти въ домъ; тамъ ужъ вѣрно знаютъ, что вы пріѣхали, пожалуй еще подумаютъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ. О, не безпокойтесь! Я видѣлъ издали, какъ мужъ вашъ карабкался по лѣстницѣ на шпалерникъ съ огромною кистью въ рукахъ; это упражненіе слишкомъ для него важно, что бы онъ могъ думать о чемъ-нибудь другомъ; что-же касается до Павла Исаича, онъ теперь вѣрно читаетъ вѣдомости; въ это время обыкновенно позволяется это занятіе.

НАДЯ. А маменька?

ХАРОХОРОВСКІЙ (*съ язвительнымъ смѣхомъ*). Вы меня извините—но я люблю правду. — Я готовъ держать пари, что ваша маменька теперь румянится; это ее займетъ до вечера.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*въ порывѣ гнѣва хочетъ броситься на Харохоровскаго. Про себя*). Ахъ, грубіянь! насмѣшникъ! (*Одумавшись*). О! я отмщу за себя; но еще рано. (*Харохоровскій и Надя скрываются въ одной изъ аллей сада*).

IV.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА и ЦЫПОЧКИНЪ (углубленный въ чтеніе вѣдомостей).

ЦЫПОЧКИНЪ (*читаетъ*). «Продается дойная корова, бурая... Сбѣжала со двора лягавая собака, кличка ей Кики. Нашедшему дано будетъ приличное награжденіе».

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Зачѣмъ вы сюда пришли? я вамъ сказала, чтобъ вы спрятались.

ЦЫПОЧКИНЪ (*испуганный*). Дружекъ мой, что съ тобой? ты вся Красная... точно приливъ крови....

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*съ дикимъ смѣхомъ*). Развѣ вы не видите, что это румяны.

ЦЫПОЧКИНЪ. Румяны!

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Да, я румянюсь! ношу нарикъ!... Почему знать, можетъ быть, и вставные зубы!

ЦЫПОЧКИНЪ (*съ ужасомъ*). Не бѣлая—ли у нее горячка! (*Харохоровскій и Надя выходятъ изъ другой аллеи*).

V.

ТЪ-ЖЕ, ХАРОХОРОВСКІЙ и НАДЯ.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*увидя Цыпочкиныхъ*). Прасковья Петровна! Павелъ Псаичъ! А мы васъ искали по всему саду.

ЦЫПОЧКИНЪ (*про себя*). А меня встрѣтилъ и притворился, что не замѣтилъ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*съ принужденною любезностью*). Здравствуйте, Савва Саввичъ, мы были дома.... я не очень здорова.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Дѣйствительно, цвѣтъ лица вашего измѣнился, что съ вами?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*про себя*). Извергъ! (*Вслухъ*). Головная

боль мигрень.... Я не спала всю ночь.... Мустафа будилъ меня безпрестанно своимъ лаемъ. Но это ничего пройдетъ отъ вашей пріятной бѣѣды.

ЦЫПОЧКИНЪ (*про себя*). Бѣдняжка! она не спала; оттого-то она такъ немножко и блажить съ самаго утра.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*стараясь правиться. Подаетъ Прасковью Петровню книгу*). Вотъ это развлечетъ скорѣй, чѣмъ я послѣдній романъ Поль-де-Кока.... О, не сомнѣвайтесь его можетъ читать пятнадцати-лѣтняя дѣвушка.... чистая мораль добродѣтель, разумѣется, торжествуетъ, порокъ наказывается. (*Цыпочкину*). Я не забылъ и васъ, Павелъ Исаичъ. (*Вынимая изъ кармана свертокъ бумаги*). Вновь изобрѣтенныя желудочныя пилюли одной достаточно; я нарочно взялъ для васъ.

ЦЫПОЧКИНЪ. Благодарю покорно! (*Про себя*). Какъ-бы не заплатить за нихъ дорого!

ХАРОХОРОВСКІЙ (*осматриваясь*). А гдѣ-же самъ властелинъ замка? Я привезъ ему письмо.

НАДЯ. Письмо! отъ кого?

ХАРОХОРОВСКІЙ. Не знаю, мнѣ его далъ вашъ управляющій домомъ.

НАДЯ. Управляющій?

ХАРОХОРОВСКІЙ. Да; отправляясь къ вамъ на дачу изъ города и проѣзжая мимо вашего дома, я зашелъ узнать, нѣтъ-ли чего-нибудь къ вамъ. Вы видите, что я угадалъ.

ЦЫПОЧКИНЪ (*съ недовольнымъ видомъ. Про себя*). Всегда такъ: тарбары, да разныя услуги.... Если этотъ бѣдный Науменко не разкроетъ глаза, придется мнѣ вмѣшаться.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*Надѣ*). Мужъ твой, должно быть, въ огородѣ; съ нѣкотораго времени онъ только и бредитъ снаржей. Пойдемте къ нему.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*предлагая руку Прасковью Петровню*). Позвольте мнѣ овладѣть вами, Прасковья Петровна. (*Бросаетъ Надѣ выразительный взглядъ*).

Только что они хотѣли идти, **НАУМЕНКО** показывается въ глубинѣ сцены; — онъ тащитъ на себя лѣстницу и держитъ въ рукахъ кисть и горшокъ съ краской. Не замѣчая общества, приставляетъ лѣстницу къ шпалернику, снимаетъ верхнее платье, влѣзаетъ и краситъ рѣшетку напѣвая: — Віють витры, віють буйны, ажъ деревья гнутся.

VI.

ТЪ-ЖЕ и НАУМЕНКО.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Какой оригиналъ!

ЦЫПОЧКИНЪ (съ досадой). Ничего не видитъ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (произительнымъ голосомъ Науменкъ). Вы вѣрно шутите! Не можетъ быть, чтобы вы насъ не видали.

НАУМЕНКО (обертывается). Честь имѣю кланяться. (Продолжаетъ работать).

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (Повелительно). Развѣ вы не видите Саввы Саввича?

НАУМЕНКО. Извините; видѣлъ, да я съ нимъ безъ церемоніи; онъ не прогнѣвается, если я буду продолжать.

ХАРОХОРОВСКІЙ (смѣясь). Безъ сомнѣнія. Артистамъ никогда не должно мѣшать. Если я не ошибаюсь, вы рисуете фрески?

ЦЫПОЧКИНЪ. Сойди, братъ, Бука Ильичъ.... Вотъ къ тебѣ письмо.

НАУМЕНКО (оглядываясь). Письмо?

ХАРОХОРОВСКІЙ (вынимая письмо изъ бумажника). Изъ Одессы.

НАУМЕНКО. Ага, изъ Одессы! И вы-же сами и принесли его? (Сходитъ медленно, беретъ письмо изъ рукъ Харохоровскаго, и посмотрѣвъ внимательно на адресъ, кладетъ его въ карманъ, не распечатавъ).

ЦЫПОЧКИНЪ. Не любопытнѣе-же ты!

НАУМЕНКО. Я знаю отъ кого. (Надѣвая сюртукъ). Теперь я покажу вамъ мою спаржу. (Показывая рукой толщину спаржи). Вотъ какая!

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (отвертываясь отъ него съ презрѣніемъ). Диковинка какая ваша спаржа! (Уходитъ во внутренность дома. Надя идетъ за ней и садится въ павильонъ за работу. Цыпочкинъ и Харохоровскій также удаляются отъ Науменки).

НАУМЕНКО (про себя). Того-то мнѣ и хотѣлось. (Распечатываетъ полученное имъ письмо и читаетъ со вниманіемъ, разсматривая вложенный въ письмо документъ). Гмъ! Дѣло! (Принявъ снова равнодушный видъ, беретъ лейку и поливаетъ цвѣты).

VII.

ТЪ-ЖЕ кромѣ ПРАСКОВЬИ ПЕТРОВНЫ.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*Цыпочкину съ увѣренностью*). Ахъ, да.... Павелъ Исаичъ, говорила вамъ Прасковья Петровна, что я у васъ беру безъ церемоніи еще двѣ тысячи пятьсотъ рублей.

ЦЫПОЧКИНЪ (*съ недовольнымъ видомъ*). Сейчасъ она говорила мнѣ про это.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Могу я получить эти деньги завтра?

ЦЫПОЧКИНЪ. А.... (*про себя*). Гишь какой хватъ! точно, какъ онъ у меня проситъ только цѣлковый. (*Вслухъ перъшительно*). Послушайте, Савва Саввичъ!... я готовъ отъ души вамъ услужить... Но это дѣло щекотливое.... Прасковья Петровна нѣтъ возможности противорѣчить.... я не въ укрекъ ей говорю это.... она не женщина, а просто гений добродѣтели.... Но кровь-то у нея такая горячая.... Нервная система ея раздражается при малѣйшемъ возраженіи, и я, чтобы не разстроить ее здоровья, всегда соглашаюсь съ ней. Я увѣренъ, что мигрень ея происходитъ отъ нашего разговора на счетъ этихъ двухъ тысячъ пятисотъ рублей.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*самонадпьянно*). Что-жъ, вы думаете, что вы рискуете что-нибудь, довѣряя мнѣ эти деньги?

ЦЫПОЧКИНЪ. Нѣтъ, я ничего не говорю; будь онѣ мои, вы-бы ихъ ужъ получили, но деньги эти принадлежатъ моей дочери и я обязанъ отдать въ нихъ отчетъ нашему зятю.

ХАРОХОРОВСКІЙ. О, что касается до этого, я увѣренъ, что Лука Ильичъ нисколько не воспротивится такому употребленію капитала.... употребленію, которое, кромѣ двойныхъ процентовъ, принесетъ еще неисчисленныя выгоды. Не забудьте, что мои пароходы безъ разрыва....

ЦЫПОЧКИНЪ (*поспѣшно*). Ну хорошо, хотите положиться на мнѣніе моего зятя? Если онъ согласенъ, дѣло рѣшено, если-же нѣтъ, не будемъ больше объ этомъ говорить; но въ такомъ случаѣ возьмите ужъ на себя трудъ уговорить Прасковью Петровну.... Я не то, что боюсь ее.... нѣтъ.... но вотъ кровь-то у нея горячая.... она такъ ее мучитъ, что мнѣ-бы хотѣлось избѣжать всего, что можетъ ее взволновать.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*про себя*). Кажется, я отъ него ничего больше не добыю; впрочемъ, что-же я теряю? (*Вслухъ*). Извольте, я согласенъ, посоветуйтесь съ вашимъ зятемъ. (*Идетъ въ павильонъ къ Надѣ*).

ЦЫПОЧКИНЪ (*смотря на Науменку, который поливаетъ цвѣты. Про себя*). Какъ-бы мнѣ завести съ нимъ разговоръ незамѣтно? (*Вслухъ*). Ну, что, мой другъ любезный, когда будетъ готовъ твой шпалерникъ?

НАУМЕНКО (*разсѣянно*). Скоро.

ЦЫПОЧКИНЪ. А ты мастерски владѣешь кистью; я увѣренъ, что если-бы ты захотѣлъ, то могъ-бы написать картину.

НАУМЕНКО. Можетъ быть.

ЦЫПОЧКИНЪ (*осматривая вишневое дерево*). Ахъ, вотъ будутъ чудесныя вишни. Когда онѣ поспѣютъ, я не дамъ своей доли воробьямъ...

НАУМЕНКО. Да ... кетати о воробьяхъ; надобно завтра разставить силки.

ЦЫПОЧКИНЪ. А когда ты насъ поподчуешь спаржей?

НАУМЕНКО (*смотря на него пристально*). Вы не съ тѣмъ подошли ко мнѣ, чтобы говорить о вишняхъ да о спаржѣ. Скажите откровенно, вы чего хотите?

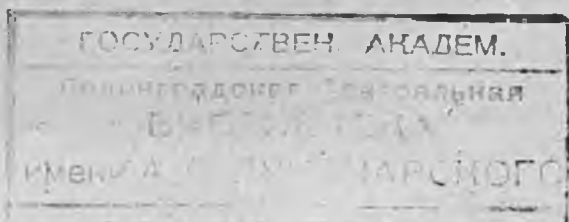
ЦЫПОЧКИНЪ (*конфузясь*). Угадалъ, братъ, угадалъ; Богъ съ ней, съ твоей спаржей и съ твоими вишнями, мы послѣ съ ними раздѣляемся; а теперь поговоримъ-ко о дѣлѣ. Тебѣ извѣстно, что я тебѣ долженъ десять тысячъ рублей серебромъ и, по условію нашему, мнѣ-бы слѣдовало тебѣ выдать ихъ два мѣсяца тому назадъ?..

НАУМЕНКО (*флегматически*). Знаю.

ЦЫПОЧКИНЪ (*собираясь съ духомъ*). Ну, милый мой, такъ вотъ въ чемъ дѣло: ты, можетъ быть, знаешь, что нашъ общій знакомый — Савва Саввичъ Харохоровскій, изобрѣлъ новый родъ пароходовъ безъ взрыва и предпринимаетъ учредить сообщеніе между Россіей и всѣми частями свѣта?

НАУМЕНКО. Знаю...

ЦЫПОЧКИНЪ. Такъ-какъ предпріятіе это обѣщаетъ акціонерамъ немовѣрныя выгоды, Прасковья Петровна вздумала воспользоваться этимъ важнымъ изобрѣтеніемъ. (*Теряя смѣлость*). Но не имѣя въ настоящую свободныхъ денегъ, кромѣ суммы, назначенной въ приданое Надѣ, жена моя думала ... и я также ... что ты не будешь на насъ въ претензію, если мы возьмемъ изъ нея часть на этотъ предметъ, и мы

взяли двѣ тысячи пятьсотъ рублей серебромъ на акціи этого великаго предпріятія.

НАУМЕНКО. Знаю.

ЦЫПОЧКИНЪ (*отдыхая*). Да ты все знаешь!

НАУМЕНКО. Все не все.

ЦЫПОЧКИНЪ. Но кто-жъ тебѣ могъ сказать, что я далъ Харохоровскому двѣ тысячи пятьсотъ рублей?

НАУМЕНКО. Самъ Харохоровскій. Доказывая мнѣ выгоды своей аферы, онъ не нашелъ лучшаго средства завлечь меня, какъ объявить, что вы ему содѣйствуете.

ЦЫПОЧКИНЪ. Такъ онъ и у тебя просилъ денегъ?

НАУМЕНКО. А вы, кажется, съ радостью взяли-бы свои назадъ?

ЦЫПОЧКИНЪ (*смущенный*). То-есть... вотъ въ чемъ дѣло: Праксovia Петровна такъ увѣрена въ успѣхѣ этихъ пароходовъ, что ей-бы хотѣлось подписаться еще на двѣ тысячи пятьсотъ рублей; но какъ мы вынуждены взять эти деньги изъ суммы, принадлежащей тебѣ, она думаетъ, что ты согласишься пока получать проценты вмѣсто капитала. (*Про себя*). Уфъ!.. какъ гора съ плечъ свалилась. (*Нюхаетъ табакъ, ожидая съ нетерпѣніемъ отвѣта*).

НАУМЕНКО (*послѣ размысленія*). Я нисколько не противлюсь.

ЦЫПОЧКИНЪ. Такъ ты соглашаешься?

НАУМЕНКО. Не только соглашаюсь, но я и самъ хочу воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ. Это просто кладъ. У меня лежитъ въ ломбардѣ пятнадцать тысячъ рублей серебромъ которыя мнѣ даютъ только четыре процента; такъ я хочу и ихъ отдать Харохоровскому, вмѣстѣ съ вашими деньгами, и просить, чтобы онъ принялъ меня въ долю.

ЦЫПОЧКИНЪ (*про себя*). Вотъ тебѣ и разъ! это ужъ слишкомъ много! (*Вслухъ*). Ты, братъ, ужъ черезъ-чуръ смѣлъ. Подобнаго рода дѣла требуютъ размысленія... Пятнадцать тысячъ рублей—это вѣдь капиталъ, а ты знаешь, что весьма неблагоприятно всю армію посылать въ дѣло.

НАУМЕНКО. Во-первыхъ эти пятнадцать тысячъ рублей не вся моя армія; а притомъ вы сами-же говорите, что успѣхъ аферы не подлѣжитъ никакому сомнѣнію.

ЦЫПОЧКИНЪ. Конечно... афера диковинная; но...

НАУМЕНКО. Но?

ЦЫПОЧКИНЪ. На твоёмъ мѣстѣ... я-бы отдалъ эти деньги подъ вѣрные залоги, хотя это приноситъ гораздо меньше выгоды, но оно... какъ-то... знаешь-ли...

НАУМЕНКО. Позвольте, тестюшко; одно изъ двухъ: если вы увѣрены въ успѣхъ этой аферы, въ такомъ случаѣ зачѣмъ меня останавливать; если вы на нее не надѣетесь, тогда для чего-же вы сами даете деньги?

ЦЫПОЧКИНЪ (*про себя*). Попался! (*Вслухъ*). Я... дѣло другое... Прасковья Петровна хочетъ... (*Всторону*). Попадется-же онъ въ просакъ, и все это по милости Прасковьи Петровны; охота-же ей была втянуться въ эту проклятую спекуляцію. Чортъ-бы побралъ всѣхъ аферистовъ!

ХАРОХОРОВСКІЙ (*наблюдая за ними во все время, выходитъ изъ навильона, принимая хладнокровный видъ*). Кажется, сраженіе было горячо. Павелъ Исаичъ похожъ на побѣжденнаго пѣтуха. Ну, что! черный или бѣлый шаръ?

ЦЫПОЧКИНЪ. Бѣлый, бѣлый!

ХАРОХОРОВСКІЙ. И такъ, Лука Пльичъ согласенъ наше на предложеніе?

НАУМЕНКО (*хладнокровно*). Съ условіемъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Посмотримъ, съ какимъ?

НАУМЕНКО. Съ тѣмъ, что кромѣ тѣхъ акцій, которыя у васъ беретъ Павелъ Исаичъ, вы и мнѣ дадите ихъ на пятнадцать тысячъ рублей серебромъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*про себя*). Еще одинъ въ западнѣ! (*Вслухъ*). На пятнадцать тысячъ рублей. Гмъ!.. я не знаю, легко-ли это будетъ... Напрасно вы мнѣ не сказали раньше.

ЦЫПОЧКИНЪ. Какъ, развѣ нѣтъ больше акцій? Кажется, я былъ первый подписчикъ, и вы сами мнѣ предложили...

ХАРОХОРОВСКІЙ (*не конфузаясь*). Это по особенному случаю... впрочемъ, я постараюсь, хотя у меня дѣйствительно остается очень мало акцій, но для Луки Ильича... только для васъ... я готовъ уступить нѣсколько изъ числа оставленныхъ для себя. Мы сказали, на семнадцать тысячъ пятьсотъ рублей.

НАУМЕНКО. На пятнадцать тысячъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Да, я считаю двѣ тысячи пятьсотъ рублей Павла Исаича... Какъ-бы это сдѣлать?... Назначимъ свиданіе завтра, хотите?

НАУМЕНКО. Я только-что хотѣлъ вамъ это предложить. Завтра я долженъ ѣхать въ городъ. Свободно вамъ въ часъ пополудни?

ХАРОХОРОВСКІЙ. Совершенно.

НАУМЕНКО. Очень хорошо; завтра въ часъ я буду у васъ, съ деньгами.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*про себя*). Побѣда! (*скрывая восторгъ*). И такъ

рѣшено; въ часъ. (*Смотря на часы*). Теперь-же я сиѣшу въ комитетъ одного благотворительнаго общества, я тамъ членомъ. Что дѣлать! Надо быть полезнымъ страждущему человѣчеству! (*Раскланиваясь*). До завтра! (*Проходя мимо павильона, въ полголоса Надя*). Въ полночь! (*Про себя*). Пойду къ Излеру слушать цыганокъ и подожду тамъ (*Уходитъ*).

ЦЫПОЧКИНЪ (*смотря вслѣдъ Харахоровскому*). Охъ, ужъ мнѣ эти аферисты новомодные! зналъ-бы лучше служилъ. Всякъ сверчекъ зналъ-бы свой шестокъ. (*Науменкъ*). Однако ужъ смеркается, Лука Ильичъ, пойдѣмъ-ко, сядѣмъ вдвоемъ въ преферансикъ, но кошѣйкѣ. (*Проходя чрезъ павильонъ*). А ты что, Надя, такъ поздно здѣсь остаешься?... Поиграй—ко мнѣ на фортепьянахъ, да пропой ... знаешь, этотъ романсъ... какъ бишь его ... да! «*Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою*»...

НАДЯ. Извините меня, папаша, не могу ... я не такъ здорова ... хочу пораньше лечь ... прошедшую ночь совѣмъ не снала ... Мустафа все мѣшалъ.

ЦЫПОЧКИНЪ. Какъ Прасковья Петровна! Ну, прощай! Богъ съ тобой! Пойдемъ, Лука Ильичъ! (*Уходитъ*).

(*Надя также уходитъ въ свою комнату*).

VIII.

НАУМЕНКО, одинъ, ходитъ въ размышленіи взадъ и впередъ, сличая по временамъ вексель, полученный имъ изъ Одессы, съ другими письмами.

Совершенно одинъ почеркъ ... невозможно ошибиться ... стоитъ только взглянуть. Не отвернется—же онъ теперь, голубчикъ! (*Задумывается*). Впрочемъ, если я буду дѣйствовать одинъ, не предвара никого, это покажется невѣжливо, даже грубо. Пожалуй еще, скажутъ, что я скрытенъ, недовѣрчивъ, неуважителенъ ... а я не хочу подавать повода къ упреку. Теща моя здѣсь глава, слѣдовательно прежде всего надо предупредить ее, и теперь-же, потому-что завтра я уѣду рано утромъ ... прежде, чѣмъ она проснется ... Она ложится поздно и я теперь не обезпокою ее. (*Уходитъ черезъ павильонъ. Смеркается*).

IX.

ЕГОРЪ, закрываетъ ставни и запираетъ дверь павильона пзъ нутра.

Прасковья Петровна приказала особенно запереть дверь этого павильона. Да, говоритъ, Егоръ, спусти Мустафу и не корми его на ночь. Ужъ не Пугачевъ—ли онять идетъ ... (*Слышенъ лай Мустафы*). Чу! какъ сердится. Ну, не желалъ-бы я ему понасться на зубокъ. (*Уходитъ*).

X.

НАДЯ, входитъ въ павильонъ, осматриваясь кругомъ.

Всѣ ушли ... ужъ скоро одиннадцать часовъ ... онъ сказалъ, въ полночь. Но нѣтъ, я надѣюсь, онъ не сдѣлаетъ этой глупости (*отворяетъ дверь въ садъ*) Я встрѣчу его здѣсь и скажу ему: «да, я васъ любила, но судьба судила иначе: она соединила меня неразрывными узами съ человѣкомъ, который, быть можетъ, не имѣетъ вашихъ достоинствъ, но я клялась ему въ вѣрности передъ Богомъ и передъ людьми ... Умоляю васъ, не подвергайте меня огласкѣ ... Оставьте меня навсегда!» И если послѣ этихъ словъ онъ будетъ говорить еще о любви ... значитъ онъ никогда не любилъ меня!.. (*Слышенъ шелестъ листьевъ*). Кто-то идетъ! (*Прислушивается*). Мнѣ показалось... это вѣтеръ, или птичка шумитъ въ кустахъ. Какая темная ночь! Сердце такъ и бьется ...

Возвращается въ свою комнату, оставя дверь павильона полуотворенною. Въ это время Прасковья Петровна выходитъ изъ внутренности дома съ потаеннымъ фонаремъ въ рукахъ и сталкивается съ Надей. Надя вскрикиваетъ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*открывая фонарь*). Кто тутъ?

НАДЯ. Ахъ, это вы, шатап! Что съ вами? вы нездоровы? прикажете позвать горничную?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*строго*). Никого ненужно; я съ тобой одной хочу поговорить.

НАДЯ (*засторону*). Боже мой! что дѣлать! онъ скоро долженъ придти; что подумаетъ маман, если онъ застанетъ ее здѣсь?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*осмотрѣвъ кругомъ, становится передъ Надей*).

НАДЯ (*принужденно улыбаясь*). Ну, право, маман, если вы не перестанете на меня такъ смотрѣть, я подумаю, что я опять сдѣлалась маленькой дѣвочкой, и что вы хотите запереть меня въ темную комнату.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Дай Богъ, Надежда Павловна, чтобы проступки ваши были изъ числа тѣхъ, которые наказываются по-дѣтски; сердце мое не страдало-бы и я-бы могла, наказывая васъ, сохранить къ вамъ уваженіе.

НАДЯ (*обиженная*). Маман!

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Да, я ваша мать, оттого-то я и страдаю! Ваша добрая мать — слышите? — не смотря на огорченіе, которое вы мнѣ дѣлаете! Ваша несчастная мать, которая, вмѣсто того, чтобъ гордиться и радоваться вами, какъ они надѣялись, видитъ въ васъ для себя источникъ одиѣхъ слезъ и стыда! О да, я ваша несчастная мать! (*Утираетъ глаза платкомъ*).

НАДЯ (*съ безпокойствомъ*). Да что-же я сдѣлала такое, что вы мнѣ это говорите?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Что вы сдѣлали? и у васъ достаетъ духа меня спрашивать, что вы сдѣлали? Слѣпа, что-ли, я? Вы думаете, что также легко обмануть мать, какъ вашего простофилю, Луку Ильича? Я знаю все ... все, говорю я вамъ... Такъ вотъ плоды моихъ заботъ и наставленій! вотъ награда моей иѣжности! Едва пять мѣсяцевъ, какъ за-мужемъ, и уже забыть свои обязанности!.. Нарушить клятвы!.. обманывать честнаго человѣка!. Да, мужъ вашъ честный человѣкъ, вы не можете его ни въ чемъ упрекнуть! О, это ужасно!

НАДЯ (*потупляя глаза*). Я васъ не понимаю...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. А! вы меня не понимаете! Хорошо, я буду говорить яснѣе: человѣкъ безъ правилъ и безъ чести, человѣкъ ничтожный и презрѣнный, Харохоровскій — увлекъ ваше сердце.

НАДЯ (*съ энергіей*). Неправда!

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*съ злобыи смѣхомъ*). Неправда! Да, сегодня неправда; но завтра, если-бы я не была теперь здѣсь, была-бы правда? А что, вы не знаете, что у этого негодая ключъ отъ огорода? Вы не знаете что сегодня-же, черезъ нѣсколько минутъ, онъ долженъ быть здѣсь! Вы всего этого не знаете? Отвѣчайте!

НАДЯ. Вамъ все извѣстно, — тѣмъ лучше; теперь выслушайте меня.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*посль минутнаго молчанія, повелительно*). Мы поговоримъ объ этомъ завтра; теперь я должна исполнить другую, важнѣйшую обязанность. Ступайте въ мою комнату и дожидайтесь!

НАДЯ (*робко*). Что вы хотите здѣсь дѣлать?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Встрѣтить этого изверга!

НАДЯ. Но вы не знаете, какъ я готовилась сама встрѣтить его и... вы хотите...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Ни слова больше! (*Беретъ ее за руку и отводитъ въ домъ*).

НАДЯ (*уходя*). Это ужасно!

XI

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*одна, идетъ въ садъ и прислушивается*). Все тихо! Впрочемъ, еще рано! (*осматриваетъ ставни*).

XII.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА въ саду и **НАУМЕНКО** выходятъ изъ дома въ павильонъ.

НАУМЕНКО. Куда дѣлась Прасковья Петровна? Я стучался къ ней, она мнѣ не отвѣчала, а между-тѣмъ, въ комнатѣ у нея видѣнъ свѣтъ. Она никогда не оставляетъ на ночь огня... Стало быть, она еще не легла... но тогда-бы она мнѣ отвѣтила... вѣрно она вышла. Гдѣ-бы она могла быть въ это время!.. Развѣ у жены моей? Вѣроятно... она только тамъ и можетъ быть. Тѣмъ лучше: я хотѣлъ также объясниться съ моей Надеждой Павловной: ужъ за-одно. (*Стучится въ дверь комнаты Нади*). Можно войти? (*прислушивается*). Никто не отвѣчаетъ... (*отворяетъ дверь*) никого нѣтъ. (*Въ эту минуту Прасковья Петровна возвращается изъ сада въ павильонъ. Науменко замѣчаетъ ее, про себя*) Что-бы это значило? (*Прячется въ комнату Нади*).

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*въ павильонъ, закрываетъ фонарь и садится въ кресла близъ двери. Смотря на часы*). Скоро полночь! Еще нѣсколько минутъ и мщеніе мое свершится... онъ будетъ здѣсь... передо мной... О какъ-же я его накажу. Кто-бы могъ подумать,

этотъ человѣкъ, котораго пріютили, приласкали, осыпали дружбой и угоженьями ... замышляетъ теперь нарушить спокойствіе семейства, отравить на вѣки жизнь молодой женщины! О! ты жестоко раскаешься въ своемъ поведеніи!.. Но какъ медленно идутъ эти послѣднія минуты. (*Часы бьютъ полночь*). А, наконецъ! Онъ вѣрно уже близко гдѣ-нибудь. (*Слышенъ шумъ*). Это онъ! (*Беретъ фонарь и становится у самой двери*).

XIII.

Тѣ-же в **ХАРОХОРОВСКІЙ**; слышенъ лай собакъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*въ глубинѣ сада*). Мустафа! ііі! (*Лай прекращается; Харохоровскій идетъ ощупью къ дому*). Это должно быть ея окно. (*Ощупываетъ ставни*). Заперты? Посмотримъ дверь павильона. (*Идетъ въ дверь*). Отперта! (*Сталкивается съ Прасковьей Петровной, но не узнаетъ ее и принимаетъ ее за Надю*). Надежда Павловна! О, какъ я счастливъ! Наконецъ я съ вами!

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*открываетъ вдругъ фонарь у самаго лица Харохоровскаго, который, узнавъ ее, отступаетъ въ садъ*). Это не Надежда Павловна, это я, коварный человѣкъ! (*Науменко поспѣшно выходитъ изъ комнаты и прячется у двери павильона*).

ХАРОХОРОВСКІЙ (*опомнясь*). Мое почтеніе, Прасковья Петровна! Судя по блеску вашихъ прекрасныхъ глазъ, я вижу съ удовольствіемъ, что вашъ мигрень прошелъ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*возвышая голосъ*). Чудовище!

ХАРОХОРОВСКІЙ (*снимаетъ шляпу и кланяется съ преувеличенными почтеніемъ*). Неблагодарный! вѣроломный! презрѣнный! (*Харохоровскій, не отвѣчая, кланяется ниже послѣ всякаго названія*).

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*випъ себя*). Бродяга!

ХАРОХОРОВСКІЙ (*улыбаясь иронически*). На это позвольте вамъ сказать, что гнѣвъ приводитъ васъ въ заблужденіе; бродяги не имѣютъ экипажей, а карета моя дожидается у воротъ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Да, благодаря жертвамъ вашей хитрости, которыя за васъ платятъ и къ числу которыхъ принадлежу и я.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Вы клеветеете на себя и на меня, Прасковья

Петровна; у васъ слишкомъ много ума, чтобы быть въ числѣ моихъ жертвъ, а у меня его слишкомъ мало.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Для того чтобы обманывать? О, у васъ его вдвое больше, нежели для этого нужно.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*хладнокровно*). Неудбно-ли вамъ присѣсть, Прасковья Петровна? Я предвижу, что разговоръ нашъ будетъ столь-же продолжителенъ, сколько онъ уже интересенъ; что-же касается до меня, я не люблю говорить стоя. (*Не дожидаясь отвѣта, разваливается на диванъ, стоящемъ въ бесѣдкѣ. Прасковья Петровна становится передъ нимъ величественно*). Теперь я готовъ съ вами бесѣдовать, хоть до утра. Но выразительной игрѣ вашей физиономіи я заключаю, что въ настоящую минуту вы находитесь въ припадкѣ сильныхъ ощущеній; потрудитесь объяснить мнѣ причину вашего гнѣва; можетъ быть, я успокою васъ...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. И вы спрашиваете причину моего негодованія? Зачѣмъ вы здѣсь?

ХАРОХОРОВСКІЙ. А, понимаю! Мое присутствіе здѣсь кажется вамъ непростительнымъ преступленіемъ?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Да, сударь, этого никогда человѣкъ честный не сдѣлалъ-бы.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Честь должна быть у женщинъ также, какъ и у мужчинъ. Не забудьте, что всѣ эти звучныя слова, ни что иное, какъ обоюдо-острый ножъ, которымъ защищаясь неловко, легко обрѣзаться. Но не въ томъ дѣло! Что значить эта комедія? чего вы отъ меня хотите?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Вы любите дочь мою!

ХАРОХОРОВСКІЙ. Кто-жъ виновать?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*содрагаясь*). Вы сознаетесь!

ХАРОХОРОВСКІЙ. Даже клянусь, хоть-бы и не хотѣлъ... Я-бы радъ васъ обмануть, но могу-ли я выдумать какую-нибудь неправдоподобную ложь, попавшись въ разставленную вами сѣть? Мнѣ ничего болѣе не остается, какъ сознаться наивно въ моемъ ужасномъ промахѣ... Впрочемъ, я не беру на себя всю отвѣтственность; справедливость требуетъ, чтобы она отчасти и на васъ лежала.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. На мнѣ!

ХАРОХОРОВСКІЙ. Да, на васъ; вы меня обвиняете, позвольте-же мнѣ оправдаться. Вотъ уже три года, какъ я бываю у васъ въ домѣ, почти всякій день; вы знали про мою любовь и смотрѣли на нее сквозь пальцы, проча дочь свою за меня за-мужъ, а между-тѣмъ высматривали ей женишка повыгоднѣе. Значить, я служилъ вамъ только ши-

томъ, чтобы свѣтъ не перетолковалъ въ дурную сторону мои частныя визиты? Что-же вышло? Послѣдствія весьма естественныя, вы должны были ихъ предвидѣть: играя роль, которую вы сами мнѣ дали, я свыкъся съ ней, и привычка довела меня постепенно до того, что видите.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*съ досады вертитъ въ рукахъ перламутровую разръзку, забытую на столѣ*): И вы осмѣливаетесь говорить мнѣ, что ее любите!

ХАРОХОРОВСКІЙ (*смотря на ножикъ*): Какъ я радъ, что это не кинжалъ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*ломаетъ разръзку и бросаетъ обломки къ ногамъ Харохоровскаго*). Нѣтъ, для мщенія моего нуженъ не кинжалъ — онъ слишкомъ скоро убиваетъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Что-же? Есть еще медленный ядъ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Не смотря на весь вашъ умъ, не вамъ учить женщину, какъ она должна мстить; предоставьте это ненависти, которую я къ вамъ буду питать съ нынѣшняго дня. Не кинжалъ, не ядъ я готовлю вамъ, а позоръ, нищету! Вы видите эту разръзку? Мѣсяць не пройдетъ — я васъ разобью, уничтожу такъ-же, какъ ее.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*сбираетъ куски перламутра и смотритъ на нихъ съ притворнымъ безпокойствомъ*). Вы меня пугаете... Неужели я такъ-же хрупокъ!

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Смѣйтесь! скоро вы сами будете посмѣшищемъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Я смѣюсь, Прасковья Петровна, единственно изъ вѣжливости и чтобы отдать должную справедливость вашимъ шуткамъ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Моимъ шуткамъ?

ХАРОХОРОВСКІЙ. Какъ-же иначе назвать ваши угрозы? Вы вѣрно не требуете, чтобы я принялъ ихъ за серьезное?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Онѣ, напротивъ, очень серьезны.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Въ такомъ случаѣ, потрудитесь повторить ихъ немножко пояснѣ; чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе, я готовъ трепетать всѣми членами, но прежде я хочу знать, отчего?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*съ презрѣніемъ*). Вы приняли мое расположеніе къ вамъ за ослѣпленіе; вы считали меня безразсудной, потому что на каждомъ шагу я доказывала вамъ мою преданность. Привыкнувъ ко лжи, вы видѣли въ вашей благодѣтельницѣ ослѣпленную женщину, которая не въ состояніи разсмотрѣть его дурныхъ качествъ; узнайте же, что я не была въ заблужденіи на счетъ вашего настоящаго положенія: ваши спекуляціи, имена почтенныхъ людей, которые вы всегда выставляете, кредитъ, которымъ вы хвастаете, наружная роскошь, окру-

жающая васъ — все это химера, ложь, хитрость! Все равно нуль, и у васъ нѣтъ ничего!

ХАРОХОРОВСКІЙ (*вскочивъ въ яростію*). Прасковья Петровна!

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Успокойтесь, я еще не все высказала. Да, я разгадала вполнѣ, что вы за человѣкъ. Не смотря на то, я все еще надѣялась, что помогу вамъ подняться на ноги и сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ. Вотъ что я для васъ сдѣлала, и вотъ какъ вы меня вознаграждаете! (*Закрываетъ лицо руками*).

ХАРОХОРОВСКІЙ (*холодно*). Вы плачете! Ради вашего цвѣта лица, я долженъ вамъ замѣтить, что напрасно вы это дѣлаете.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*съ безумнымъ смѣхомъ*). Ахъ да, я и забыла про мои румяны! (*Вдругъ принимаетъ видъ грознаго спокойствія*). Но главное, что я хотѣла сказать вамъ, что для васъ очень важно и поколеблетъ, можетъ быть, ваше надменное хладнокровіе, это то, что съ этой минуты я буду вредить вамъ съ большимъ усердіемъ, нежели я вамъ помогала. Сердце ваше неприступно, потому—что у васъ нѣтъ сердца; я атакую васъ съ вашей слабой стороны.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*улыбаясь безъ заботы*). Не угрожаете-ли вы моему состоянію?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Вашему состоянію? Миѣ стоитъ только отнять руку, чтобы весь этотъ карточный домъ разрушился.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Но вы этого не сдѣлаете.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Это ужъ сдѣлано!

ХАРОХОРОВСКІЙ. Въ-самомъ-дѣлѣ?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Я обѣщала вамъ завтра двѣ тысячи пять-сотъ рублей.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Я на нихъ рассчитываю.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Напрасно; совѣтую вамъ поискать ихъ въ другомъ мѣстѣ.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*спокойно усаживается на диванъ*). Я очень радъ, что мы наконецъ приблизились къ настоящему дѣлу. До сихъ-поръ я долженъ былъ довольствоваться второстепенной ролью слушателя. Наконецъ, бой рѣшительный начинается; я надѣюсь, что вы позволите миѣ также молвить слова два. Удостоите меня на нѣсколько минутъ вашего вниманія, особенно не теряйте нить моей рѣчи.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Любопытно, что вы можете сказать въ свое оправданіе?

ХАРОХОРОВСКІЙ. (*Посль нѣсколькихъ минутъ размышленія, тономъ педанта*). Я представляю здѣсь два лица, человѣка свѣтскаго

и человѣка дѣловаго. Какъ первый, я виноватъ передъ вами, сознаюсь; называйте меня неблагодарнымъ, дерзскимъ, чѣмъ вамъ угодно ... даже, знаете что? разыграйте трагедію, заколите меня, я заслужилъ это!.. Не забудьте, что это говоритъ человѣкъ свѣтскій; что-же касается до дѣловаго, это совсѣмъ другое. Какъ дѣловой человѣкъ, я рѣшительно не признаю надъ собой вашей власти и не даю вамъ ни малѣйшаго права мѣшаться въ мои дѣла. Словомъ, я отдѣляю рѣзкой чертой афериста отъ друга вашего семейства, и положительно объявляю, что первый не долженъ терпѣть за втораго. Логика моя, можетъ быть, вамъ не нравится!.. Вотъ какое я вывожу изъ нея заключеніе: завтра Науменко долженъ быть у меня и подписаться на значительное количество акцій моего пароходства—за себя и за вашего мужа. Я покорнѣе васъ прошу не разстроивать этого дѣла.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Зять мой у васъ не будетъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Будетъ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Я запрещу ему.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*деспотически*). А я запрещаю вамъ говорить о моихъ дѣлахъ вашему зятю; вашему мужу, кому-бы то ни было ...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Ха! ха! ха! Вотъ это ужъ переходитъ въ комедію. Вы — запрещаете мнѣ? Да на какомъ-же правѣ?

ХАРОХОРОВСКІЙ. На правѣ хитраго! Вы находите, что я неблагоприятенъ; а вы сами еще неосмотрительнѣе меня. Вы говорите, что состояніе мое въ рукахъ вашихъ; а репутація ваша развѣ не въ моихъ?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*съ достоинствомъ*). Моя репутація отъ васъ не зависитъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Если вы забыли, я напоминаю вамъ, что у меня достало благоразумія сохранить нѣсколько посланій вашей руки, конечно невинныхъ, но все-же вами писанныхъ. Иногда можно придаться къ самому невинному слову, вывести заключеніе — поднять грозу ...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*теряясь*). Но это было-бы противно чести.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*съ ироническимъ смѣхомъ*). Чести! Вы говорите, что у меня ее нѣтъ! Нѣтъ, Прасковья Петровна, неблагоприятіе мое не дошло до того, чтобы уничтожить вашу корреспонденцію. Пятнадцать записокъ — шутка сказать! При томъ, я увѣренъ, что въ настоящую минуту могу сдѣлать изъ вашихъ посланій употребленіе очень полезное.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*встревоженная*). Нѣтъ, вижу, я васъ знала не вполнѣ ...

ХАРОХОРОВСКІЙ (*смотритъ на часы*). Ужъ второй часъ! какъ скоро идетъ время въ бесѣдѣ съ вами; но довольно: мнѣ предстоитъ много дѣла сегодня утромъ, и вы сами, съ вашимъ мигренемъ, направ-

но такъ долго остаетесь на воздухѣ. Прощайте-же и не сердитесь на меня. Вы помните мой ultimatum? Война или миръ: выбирайте; что касается до меня, я предпочитаю миръ и не люблю огорчать женщинъ. Науменко общалъ быть у меня въ часъ. Если онъ не придетъ, или я замѣчу изъ изъ словъ его, что вы наговорили ему противъ меня, такъ ужъ извините — письменный слогъ вашъ пойдетъ въ дѣло. Теперь позвольте вамъ пожелать покойной ночи. (*Останавливается, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ*). Ахъ, да! я и забылъ, что завтра я у васъ обѣдаю. Я не замедлю и смѣю надѣяться, что не смотря на это маленькое облачко, вы меня примите съ вашей обыкновенною любезностью. (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната Прасковьи Петровны на дачѣ; на лѣвой сторонѣ диванъ, на правой письменный столикъ.

I.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА на диванѣ.

Ужасная ночь! не сонъ-ли это былъ? нѣтъ, послѣднія угрозы его еще раздаются въ ушахъ моихъ ... онъ говорилъ мнѣ про письма ... потомъ въ глазахъ моихъ потемнѣло ... Какое униженіе!

II.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА и **ЦЫПОЧКИНЪ** входитъ осторожно.

ЦЫПОЧКИНЪ (*съ участіемъ*). Я слышалъ, что Надя провела съ тобою ночь; напрасно ты не прислала за мной, я-бы посидѣлъ при тебѣ, я крѣпче ея.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Это вы виноваты, что я нездорова ... ваше упрямство. Вчерашній споръ разстроилъ мои нервы.

ЦЫПОЧКИНЪ (*робко*). Какъ! Развѣ ты забыла, дружекъ мой, что я съ тобою во всемъ согласился? Харохоровскій получитъ сегодня деньги.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*при имени Харохоровскаго содрогается*). Кто васъ просилъ такъ скоро рѣшиться выдать эти деньги!

ЦЫПОЧКИНЪ (*удивленный*). Ты сама, кажется.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Я вамъ ни слова объ этомъ не говорила; мы не назначили время для выдачи денегъ; вы всегда иначе перетолковываете мои слова.

ЦЫПОЧКИНЪ (*про себя*). Опять раздумала, тѣмъ лучше. (*Вслухъ*). Еще ничего не сдѣлано, и если ты перемѣнила свое намѣреніе, скажи мнѣ только слово, я напишу Харохоровскому, чтобы онъ не надѣялся на насъ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Кто вамъ про это говорить?

ЦЫПОЧКИНЪ. Ты знаешь, что я, съ своей стороны, предпочитаю не отдавать этихъ денегъ. Вотъ Лука Ильичъ вздумалъ также взять акціи на пятнадцать тысячъ рублей. Такъ скоро все наше состояніе перейдетъ въ руки Харохоровскаго... Я не то, чтобы не имѣлъ къ нему довѣрія, но не должно никогда посылать всю армію.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*вскочивъ съ мѣста*). Науменко также хочетъ взять акціи?

ЦЫПОЧКИНЪ. На пятнадцать тысячъ рублей серебромъ. Развѣ онъ тебѣ не говорилъ?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Когда онъ хочетъ подписаться?

ЦЫПОЧКИНЪ. Сегодня.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*съ живостью*). Позови его ко мнѣ; чтобы онъ сейчасъ пришелъ!

ЦЫПОЧКИНЪ (*отъ удивленія не трогается съ мѣста*). А!

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Что же вы стоите?

ЦЫПОЧКИНЪ (*бросаясь въ дверь*). Бѣгу, бѣгу, не сердись.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*ему вслѣдъ*). Пусть онъ придетъ сюда.

(*Цыпочкинъ уходитъ*).

III.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА, одна

Теперь я читаю ясно въ душѣ этого жалкаго человѣка: деньги — вотъ его идолъ! Подъ видомъ дружбы, онъ хотѣлъ только овладѣть нашимъ состояніемъ, и теперь, онъ ужъ не довольствуется этой добычей: ему нужно состояніе дѣтей моихъ. Для него дочь моя ни что иное, какъ оружіе для достиженія цѣли! А она воображаетъ, что онъ любитъ ее! Развѣ такой человѣкъ можетъ любить!.. Но прежде всего нужно возвратитъ мои письма, во что бы то ни стало; я готова купить ихъ не только цѣной золота, но даже крови. Я не хочу ему дать даже легкаго торжества надъ собою.

IV.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА и **НАУМЕНКО**, съ своей обычной флегмой.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*смотря на него внимательно*). Наружность не воинственная, но выбирать некогда; онъ одинъ можетъ снасти меня.

НАУМЕНКО. У васъ есть порученіе въ городъ?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Я хочу поговорить съ вами о предметѣ болѣе важномъ. Но прежде дайте мнѣ честное слово, что вы никому не передадите нашего разговора, никому — слышите?— даже вашей женѣ.

НАУМЕНКО. Къ чему эта предосторожность? Я знаю и безъ того, что женщинамъ должно довѣрять только то, что мы хотимъ распустить.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*съ удивленіемъ*). А! это ваше правило!

НАУМЕНКО. Нѣтъ, эта наша малороссійская поговорка.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*смотря на него пристально, про себя*). Какая перемена!.. взглядъ рѣшительный, твердый. Я никогда не замѣчала въ немъ этого... Тѣмъ лучше, онъ будетъ мнѣ полезенъ. (*Вслухъ*). Выслушайте меня. Если-бы ваша мать была жива, и кто-нибудь оскорбилъ ее, вы вѣрно-бы за нее вступились, употребили-бы всѣ свои силы, чтобы защититъ ее, отмстить за нее? Не правда-ли?

НАУМЕНКО. Это обязанность всякаго.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (съ притворною нѣжностью). Вы имѣли несчастіе потерять свою мать, но бракъ вамъ далъ другую, которая, хотя и не можетъ замѣнить первой, но, по-крайней-мѣрѣ, старается всѣми силами утѣшить васъ, питая къ вамъ самую нѣжную любовь.

НАУМЕНКО (кланяясь). А!. я этого и не подозрѣвалъ!

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Мужъ мой и я, мы оба любимъ васъ какъ роднаго сына, и я увѣрена, что въ случаѣ нужды, вы съумѣете исполнить обязанности сыновней преданности.

НАУМЕНКО (скромно). Надѣюсь...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Я увѣрена въ этомъ, потому-что вы человекъ честный, благородный, словомъ — настоящій малороссъ.

НАУМЕНКО (низко кланяясь). Безъ комплиментовъ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Если-бы я вамъ сказала: «Лука Ильичъ! есть человекъ, который оскорбилъ меня жестоко, смертельно; онъ первый врагъ мой, заклятой врагъ; мужъ мой старъ, сына у меня нѣтъ, а сама я слабая женщина: одни вы можете защитить меня; отъ васъ однихъ могу я ожидать помощи и покровительства!» Скажите, другъ мой, что-бы вы тогда сдѣлали?

НАУМЕНКО (смотритъ въ потолокъ, сложивъ руки и вертя пальцами). Что-бы я сдѣлалъ? Право не знаю; вы лучше должны знать, что вы хотите, чтобы я сдѣлалъ?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (съ презрѣніемъ). Какъ! Вы мужчина, и не знаете, что отвѣчать на подобный вопросъ! Я вамъ говорю о непростительной обидѣ, о серьезной опасности... дѣло идетъ о жизни или смерти, и вы меня спрашиваете, что вамъ надо дѣлать! Вы вѣрно не подумали хорошенько, или не поняли меня.

НАУМЕНКО (хладнокровно). Не совсѣмъ. Постарайтесь повторить мнѣ пояснѣе; можетъ быть, я и пойму.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (отрывисто). Если-бы вы получили пощечину, что-бы вы сдѣлали?

НАУМЕНКО. Сдалъ-бы двѣ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Вы-бы вызвали на дуэль человека, который-бы поднялъ на васъ руку, не такъ-ли? А я вамъ сейчасъ доказала, что по силѣ связей, насъ соединяющихъ, честь ваша или моя — одно и то-же. Вы оскорблены въ моемъ лицѣ... Теперь понимаете?

НАУМЕНКО. Начинаю... Вы хотите, чтобы я вышелъ на дуэль. Позвольте мнѣ сдѣлать на это маленькое замѣчаніе.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (съ недовольнымъ видомъ). Говорите!

НАУМЕНКО (флегматически). Два мѣсяца назадъ мы были въ гостининой—вы, жена моя и я. Я лежалъ на диванѣ, а вы, считая меня

спящимъ, разговаривали у фортепьяно, и вотъ что вы сказали женѣ моей: «ты находишь, что мужъ твой простъ, не любезенъ, это правда; но за то у него нѣтъ ни энергіи, ни характера, ни воли, а это главное: ты изъ него можешь дѣлать, что хочешь. Повѣрь мнѣ, лучше имѣть дѣло съ глупцомъ, котораго можно водить за носъ, нежели съ упрямымъ, который самъ захочетъ умничать».

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*смутясь*). Я не говорила этого ...

НАУМЕНКО. Извините, вы сказали. А если, по собственнымъ вашимъ словамъ, я человекъ безхарактерный, безъ энергіи, то какъ же мнѣ теперь не удивляться? Вы хотите, чтобъ я принялъ на себя роль, требующую непременно обонхъ этихъ качествъ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*про себя*). Какая неосторожность! (*Вслухъ*). Отклонять вопросъ, не значить отвѣчать на него.

НАУМЕНКО. А вы непременно хотите, чтобъ я отвѣчалъ? Извольте. Вотъ ужъ пять мѣсяцевъ, какъ я женатъ. Я помирился съ положеніемъ, въ которое вы меня поставили, хотя-бы очень желалъ быть независимъ въ семействѣ ... Но вы находите, что это былъ-бы дурной примѣръ; а вы въ свою очередь управляете моей женой; изъ чего слѣдуетъ, что настоящая здѣсь хозяйка *сы*; я-же едва смѣю пригласить пріятеля отобѣдать. Люди смотрятъ на васъ всякій разъ, какъ я имъ что-нибудь приказываю; домъ, садъ, вы все здѣсь перевернули, безъ моего согласія: словомъ, я — нуль. Прекрасно, я не жалуясь... Но какъ на мнѣ лежатъ нѣкоторыя обязанности, я считаю себя въ правѣ пользоваться и нѣкоторыми выгодами. Если-бы полный хозяинъ здѣсь былъ я, если-бы я имѣлъ власть главы семейства, и вы мнѣ сказали-бы: «вотъ то и то случилось; это касается до мужчинъ», я-бы вамъ отвѣтилъ: «да, это мое дѣло» и поступилъ-бы какъ себя знаю; но какъ здѣсь управляете вы, то вы-же и выходите на дуэль; я ни во что не мѣшаюсь.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*съ презрѣніемъ*). О, какъ я васъ хорошо поняла! Какъ вѣрно угадала я, съ перваго взгляда, что вы ни что иное, какъ слабый и пустой человекъ.

НАУМЕНКО. Второй томъ Павла Псапча, не такъ-ли?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*съ гнѣвомъ*). Подите вонъ; я не позволю вамъ при мнѣ оскорблять отца вашей жены!

НАУМЕНКО (*съ непоколебимымъ хладнокровіемъ*). Больше вамъ ничего не нужно?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*выбѣгая изъ комнаты, сквозь зубы*). Глупецъ! трусь!

(Въ эту минуту Цыпочкинъ отворяетъ осторожно дверь въ лубинъ и входитъ на цыпочкахъ.)

V.

НАУМЕНКО и ЦЫПОЧКИНЪ.

ЦЫПОЧКИНЪ. Ну что? о чемъ говорила жена моя?

НАУМЕНКО. На счетъ акцій Харохоровскаго.

ЦЫПОЧКИНЪ. Такъ и зналъ. Ну, что-жь, раздумала?

НАУМЕНКО. Ничего не бывало; я ѣду сейчасъ въ городъ... Ахъ, да, гдѣ ваши акціи?

ЦЫПОЧКИНЪ (*вынимая изъ бумажника акціи*). Вотъ онѣ со мной.

НАУМЕНКО (*подходя къ письменному столу*). Вотъ перо и чернилка; потрудитесь перевести ихъ на мое имя; я принимаю ихъ въ счетъ десяти тысячъ рублей, которыя вы мнѣ должны.

ЦЫПОЧКИНЪ (*сидясь за столъ*). Неужели!.. Изволь, батюшка, съ удовольствіемъ (*опустивъ перо въ чернилицу, задумывается*). А Прасковья—то Петровна согласна-ли на это?

НАУМЕНКО. Разумѣется. Мы во всемъ согласились съ почтенной матушкой. Пишите скорѣй; ужъ поздно, а мнѣ надо быть въ часъ у Харохоровскаго.

ЦЫПОЧКИНЪ. Ну, коли Прасковья Петровна согласна (*надписываетъ акціи*). Вотъ и все... И такъ остается за нами только семь тысячъ пятьсотъ рублей серебромъ. Теперь послушай старика, Лука Пльпчъ! Подумай хорошенько прежде, нежели рѣшишься довѣриться Харохоровскому; онъ хитеръ, поумнѣ тебя, гораздо поумнѣ! Я знаю, онъ тебѣ посулитъ Калифорнію,—не поддавайся! На твоемъ мѣстѣ, я-бы прежде разузналъ на счетъ этихъ пароходовъ. Тебѣ не къ спѣху; пятнадцать тысячъ рублей серебромъ не бездѣлица; какъ говорится, на улыцѣ не подымешь.

НАУМЕНКО (*улыбаясь*). Не безпокойтесь. Хотя вы не полагаетесь на мой умъ, но можетъ быть, я и не такъ простъ, какъ кажусь.

ЦЫПОЧКИНЪ (*проводя его*). А все таки поостерегись...

(*Уходятъ*).

Квартира **ХАРОХОРОВСКАГО**. Роскошно меблированный кабинетъ; столъ; на немъ раскрытый большой портфель, въ сумкахъ котораго, между прочими бумагами, видно нѣсколько банковыхъ билетовъ. Направо диванъ и столикъ; по срединѣ комнаты большой круглый столъ, на которомъ лежитъ планъ пароходовъ безъ разрыва; вдоль стѣнъ шкафы съ книгами и футлярами, на которыхъ видны надписи, показывающія назначеніе ихъ. Дверь въ глубинѣ. **ХАРОХОРОВСКІЙ** на диванѣ, въ богатомъ утреннемъ костюмѣ. Лакей въ ливреѣ подаетъ ему кофе, на серебрянномъ сервизѣ.

VI.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*лакею*). Кто-бы ни пришелъ, меня ни для кого нѣтъ дома, исключая г. Науменки, слышишь! (*Лакей уходитъ*).

ХАРОХОРОВСКІЙ (*одинъ*). Семнадцать тысячъ рублей серебромъ—кушъ порядочный! И какъ кстати! Ресурсы мои начинали истощаться, и я не зналъ, что дѣлать. Люди дѣлаются съ каждымъ днемъ недовѣрчивѣе... Правда, кредитъ мой начинаетъ здѣсь падать; по полученіи этихъ денегъ, я перенесу центръ моихъ дѣйствій въ другое мѣсто... Лишь-бы только не помѣшала мнѣ Прасковья Петровна... Но нѣтъ, она не посмѣетъ... она у меня въ рукахъ. А жаль, что мнѣ не удалось подпустить турусы на колесахъ Надеждѣ Павловнѣ; она была-бы мнѣ полезна, касательно ресурсовъ... муженекъ-то у нее то-же подъ башмакомъ.

ЛАКЕЙ (*отворяя дверь*). Г. Науменко!

ХАРОХОРОВСКІЙ (*поспѣшно садится за бюро и притворяется занятымъ*). Съ подобными людьми надобно всегда имѣть видъ дѣловаго человѣка.

VII.

ХАРОХОРОВСКІЙ и НАУМЕНКО.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*пишетъ, не замѣчая Науменки*).

НАУМЕНКО (*смотря на футляры, про себя*).. Всѣ принадлежности кабинета афериста — шкапы, футляры... и вѣрно все пустые...

ХАРОХОРОВСКІЙ (*оглядываясь*). А! извините, Лука Ильичъ!.. Я такъ занятъ, что и не замѣтилъ, какъ вы вошли... прошу садиться. Вы позвольте мнѣ только кончить письмо.

НАУМЕНКО (*садится*). Сдѣлайте одолженіе, у меня времени довольно.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*написавъ нѣсколько строкъ небрежно*). Размалевано хорошо, но самъ чортъ ничего тутъ не разберетъ. (*Складываетъ письмо*). Тепѣрь я весь къ вашимъ услугамъ; но прежде, чѣмъ говорить о дѣлахъ, скажите, какъ увасъ дома! Дамы ваши? здоровы?

НАУМЕНКО. Прасковья Петровна не очень здорова.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Вѣрно дурно провела ночь?

НАУМЕНКО. Кажется...

ХАРОХОРОВСКІЙ (*про себя*). И мнѣ то-же кажется. Но пора къ дѣлу (*разваливается въ креслахъ; вслухъ*). Я уже вамъ вчера сказалъ, что акціи моихъ пароходовъ безъ разрыва разбираются съ неизвѣстной быстротой; вы хватились еще во-время ... еще нѣсколько дней, и ужъ было-бы поздно. Предпріятіе это представляется съ весьма выгодной стороны, и все обѣщаетъ намъ самый блистательный успѣхъ. Не смотря на то, безъ сомнѣнія, вамъ любопытно знать нѣкоторыя подробности касательно цѣли, средствъ къ выполненію и результатовъ этого колоссальнаго предпріятія?

НАУМЕНКО. Я васъ слушаю.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*догматически*). Въ короткихъ словахъ, вотъ въ чемъ дѣло. Въ сравненіи съ чудесами, произведенными въ Америкѣ, и усовершенствованіями, сдѣланными недавно въ Англии и во Франціи, наша паровая навигація еще не достигла полнаго развитія. Пополнить этотъ недостатокъ, значитъ очевидно оказать важную услугу, и я смѣло утверждаю, что единственное средство къ достиженію подобнаго результата, состоитъ въ учрежденіи постоянного пароходнаго сообщенія между Россіей и всѣми частями Свѣта. Замѣтите, что дѣло идетъ не о какой-нибудь мелочной спекуляціи, я говорю о предпріятіи, основанномъ на прочномъ фундаментѣ.

НАУМЕНКО (*скромно*). Вашъ прочный фундаментъ, я полагаю — это побольше денегъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Безъ всякаго сомнѣнія. Главная пружина торговли — деньги, особенно въ моемъ предпріятіи: мы посѣемъ серебро, а пожнемъ золото. Но перенесемъ нѣсколько въ будущее. Положимъ, что общество наше уже въ полномъ ходу. Мы учредили между Петербургомъ и главными пунктами Америки, какъ-то: Нью-Йоркомъ, Мехикой, Антильскими-островами, Рио-Жанейро и прочее, сообщеніе постоянное, быстрое, безопасное и экономическое. Постоянное: это очевидно; стѣдуетъ только построить достаточное количество пароходовъ. Быстрое: я вамъ сейчасъ докажу, что мы ускоримъ ходъ парохода, *противъ*

обыкновеннаго, одной милей въ часъ. Безопасное: одно названіе нашихъ пароходовъ показываетъ, что они не подвержены взрыву, потому-что машина опускается въ воду въ случаѣ несчастія. Наконецъ, экономическое, и это главное — намъ не надо угля.

НАУМЕНКО (*съ удивленіемъ*). Вамъ не надо угля?

ХАРОХОРОВСКІЙ (*самодовольно*). Намъ не надо угля! Позвольте мнѣ пока умолчать, чѣмъ мы его замѣнимъ: въ этомъ состоитъ весь секретъ аферы, главная сила, посредствомъ которой мы испровергнемъ всякаго рода конкуренцію. Довольно вамъ знать, что проблема мореплаванія отнынѣ рѣшена. Въ чемъ было все затрудненіе? Уголь, занимающая много мѣста, препятствовала, во многихъ случаяхъ, запасаться провизіей на все время путешествія; Океанъ не почтовая дорога, гдѣ-бы можно было произвольно расположить станціонные дворы. Благодаря нашему веществу, замѣняющему уголь, препятствіе это болѣе не существуетъ. Я не буду входить въ дальнѣйшія подробности, вы вѣрно уже предвидите неисчислимые послѣдствія, которыя произойдутъ отъ приложенія новаго двигателя. И такъ, главнымъ ручательствомъ за успѣхъ нашего дѣла служить, во-первыхъ, увеличеніе скорости, а во-вторыхъ — экономія въ издержкахъ.

НАУМЕНКО (*склоняясь въ знакъ согласія*). Очень ясно.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*одобренный, продолжаетъ съ большою смѣлостію*). Такъ ясно, что не надо быть и негоціантомъ, чтобы понять это. Ясно, какъ дважды-два—четыре. Главное, въ торговлѣ двухъ частей свѣта не должно только упускать изъ виду трехъ вещей: товаръ, тарифъ, транспортъ. Мы не можемъ уменьшить цѣну товаровъ и таможенную плату; нужды нѣтъ, мы выигрываемъ на перевозкѣ. Увеличеніе скорости, также весьма важный пунктъ, особенно для произведеній роскоши, подчиненныхъ капризу моды. Кто намъ мѣшаетъ нагружаться подобнаго рода товаромъ въ заграничныхъ портахъ, доставивъ туда наши сырые продукты? Мы можемъ, наконецъ, учредить конторы повсюду и повсюду одержимъ верхъ; вы только представьте себѣ, что мы совершаемъ путешествіе до Нью-Йорка, считая переѣздъ черезъ Балтійское Море въ тринадцать дней!

НАУМЕНКО. Въ тринадцать дней!!!

ХАРОХОРОВСКІЙ. Это разсчитано. Вы понимаете, — поснѣвая вездѣ первые и имѣя возможность продавать дешевле другихъ, мы, члены компаніи, не будемъ бояться соперничества ни въ какомъ государствѣ; слѣдовательно, успѣхъ нашихъ невзрываемыхъ пароходовъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Кто въ состояніи будетъ бороться съ нами?

Наше горючее вещество отнять у всѣхъ руки съ перваго раза; мы уничтожимъ Голландію.

НАУМЕНКО. Жаль! она вѣдь научила насъ кораблестроенію.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Пустое. Самъ Петръ сказалъ, что Россія учится для того, чтобы послѣ учить другихъ.

НАУМЕНКО. И Францію тоже?

ХАРОХОРОВСКІЙ. Или по-крайней-мѣрѣ, мы принудимъ ее довольствоваться второстепенной ролью. Пусть она тягается на Югъ, на примѣръ, съ Триестомъ,—Богъ съ ней; но мы не позволимъ ей соперничать съ нами въ Одессѣ; мы подчинимъ себѣ Египетъ, Востокъ, Средиземное море, Антильскіе острова, Америку, Океанъ. Мы уничтожимъ Англию.

НАУМЕНКО. Вы этакъ уничтожите весь свѣтъ!

ХАРОХОРОВСКІЙ. Любезнѣйшій мой! въ торговлѣ частенько приходится уничтожать сегодня, чтобы не быть уничтожену завтра. Вся жизнь наша не непрерывная—ли борьба? Положимъ, что вы торгуете колониальными товарами: имѣя возможность, съ помощію нашихъ пароходовъ, уменьшить цѣну сахара въ Мартиникѣ по тридцати копѣекъ на пудъ, неужели вы остановитесь потому только, что это нанесетъ ударъ французской промышленности? Что вы за глупецъ, не правда—ли? Прежде всего ваша собственная выгода, а тамъ хоть пропадай вся свекловица.

НАУМЕНКО. Совершенная правда, пропадай свекловица.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Я вамъ объясняю эту аферу только въ общемъ ея объемѣ, пропуская процасть подробностей, имѣющихъ, каждая отдѣльно, свою собственную важность. О! наша компанія произведетъ великія дѣла! Словомъ, она ручается подписчикамъ за десять процентовъ, не считая дивиденда, который во всякомъ случаѣ и по самому умѣренному расчету, долженъ быть втрое. И такъ, отъ сорока до пятидесяти процентовъ на сто: изрядно, неправда—ли?

НАУМЕНКО (*съ видомъ убѣжденія*). Не изрядно, а превосходно! Изъ словъ вашихъ видно, что предпріятіе будетъ имѣть огромный успѣхъ: просто, кладъ для подписчиковъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*отдыхаетъ, прохлаждаясь платкомъ, какъ опахаломъ, про себя*). Уфъ, какая галиматья!.. Хоть убей, въ другой разъ не повторю... Я не подозрѣвалъ въ себѣ такого краснорѣчія... (*Показывая на Науменку, который разсматриваетъ планъ*). Только такимъ акціонерамъ и можно нести подобную ахиною. Но нора приступить къ главному (*вслухъ*). И такъ, мы сказали, что вы берете акцій на пятнадцать тысячъ?

НАУМЕНКО (*флегматически*). Позвольте: мы этого совсѣмъ не ска-
зали.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Какъ! Миѣ кажется, вы сами назначали эту сумму.

НАУМЕНКО. Да, вчера.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Вы раздумали?

НАУМЕНКО. Не раздумалъ, а разсудилъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Объяснитесь: хотите вы больше акцій или меньше?

НАУМЕНКО. Ни больше, ни меньше.

ХАРОХОРОВСКІЙ. То-есть, какъ?

НАУМЕНКО. То-есть, ничего.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*содрагаясь, про себя*). Это что значить? (*Вслухъ*).
Вѣрно утро вечера мудренѣе?

НАУМЕНКО. Именно мудренѣе.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*озлобляясь*). Не Прасковья-ли Петровна произве-
ла въ васъ перемѣну?

НАУМЕНКО. Прасковья Петровна нисколько тутъ не виновата.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Я узнаю это.

НАУМЕНКО. Какъ вамъ угодно.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*стараясь скрыть свою досаду*). Если въ одну
ночь вы переходите отъ бѣлаго къ черному, то не будемъ больше объ
этомъ говорить. Но позвольте узнать, что миѣ доставляетъ честь ви-
дѣть васъ?

НАУМЕНКО (*хладнокровно*). Двѣ причины. Во-первыхъ, три мѣся-
ца тому назадъ, тесть мой взялъ у васъ на двѣ тысячи пятьсотъ рублей
акцій вашего пароходства. Въ настоящее время акціи эти принадлежатъ
миѣ; Павелъ Исаичъ перевелъ ихъ на мое имя. Но я уже имѣлъ
честь объявить вамъ, что не желаю участвовать въ вашей аферѣ, и такъ-
какъ она находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, я увѣренъ, что
вы согласитесь безъ затрудненія взять обратно мои десять акцій за ту-
же цѣну.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*смотря на него съ удивленіемъ*). Что вы гово-
рите?

НАУМЕНКО. Я говорю, что эти десять акцій при миѣ; а вонъ тамъ...
въ портфель (*показывая на бюро*) я вижу отсюда гораздо большее
количество банковыхъ билетовъ; слѣдовательно, нѣтъ ничего легче, какъ
обмѣнять ихъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*разваливается въ креслахъ, съ гомерическимъ*
смѣхомъ). Почтеннѣйшей мой, Лука Пльичъ! Я зналъ и прежде, что
вы предобрый малый, неподражаемый живописецъ, опытный садовникъ
и, вѣроятно, искуснѣйшій игрокъ въ шашки; но я далеко не подозревалъ

всѣхъ вашихъ талантовъ. Знаете-ли, вы мастерски умѣете смѣшить и притворяться? Какъ жаль, что вы не актеръ! Въ роляхъ комическихъ вы имѣли-бы огромный успѣхъ.

НАУМЕНКО (*улыбаясь, скромно*). Мы сейчасъ возвратимся къ нашимъ двумъ тысячамъ пятистамъ рублямъ. Теперь позвольте мнѣ объяснить вторую причину моего визита.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Сдѣлайте одолженіе; случаи посмѣяться такъ рѣдки! Я надѣюсь, что вы соблюли законъ прогрессіи и что второй нумеръ будетъ еще забавнѣе перваго.

НАУМЕНКО. А вотъ увидите: у васъ письма отъ Прасковьи Петровны; потрудитесь мнѣ ихъ возвратить.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*вскакивая, со смѣхомъ*). Такъ вотъ гдѣ загадка! Я былъ увѣренъ, что это работа Прасковьи Петровны! А! такъ она объявляетъ войну? Прекрасно! (*Надменно*). Милостивый государь! я принялъ за простую шутку ваше первое требованіе, и потому только посмѣялся; но я вынужденъ принять серьезнѣе ваши послѣднія слова. Достаточно-ли вы обдумали послѣдствія этого порученія Прасковьи Петровны?

НАУМЕНКО. Прасковья Петровна мнѣ не давала никакого порученія.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Она вамъ не говорила о письмахъ?

НАУМЕНКО. Никогда.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Кто-же?

НАУМЕНКО. Позвольте мнѣ не отвѣчать на этотъ вопросъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Значитъ, вы дѣйствуете лично отъ себя.

НАУМЕНКО. Да.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Въ такомъ случаѣ, вотъ мой отвѣтъ: хоть вы и зять Прасковьи Петровны, я васъ считаю не вправѣ мѣшаться въ дѣла, касающіяся до нея одной, и поэтому не даю вамъ ея писемъ. Что-же касается до вашей первой просьбы,—я продаю акціи, но не покупаю ихъ.

НАУМЕНКО. Я ожидалъ этого двойнаго отказа, а потому принялъ всѣ нужныя предосторожности, чтобъ получить ваше согласіе.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Въ-самомъ-дѣлѣ? А въ чемъ заключаются эти предосторожности?

НАУМЕНКО. Сейчасъ узнаете; прошу только прислушать со вниманіемъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Съ удовольствіемъ. Я готовъ, если нужно, слушать васъ до вечера. Мнѣ очень любопытно знать, чѣмъ вы хотите меня принудить сказать *да*, когда я говорю *нѣтъ*. Сигара васъ не безноконтъ?

НАУМЕНКО. Нисколько.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*закуриваетъ сигару, и развалиясь въ креслахъ, кладетъ ноги на бюро, пуская дымъ въ потолокъ*). Теперь, мой

почтеннѣйшей, вы можете начинать; я весь зрѣніе и слухъ.

НАУМЕНКО (*смотря пристально на Харохоровскаго, твердымъ голосомъ*). Развивая ваши коммерческія теоріи, вы, вѣроятно, воображали, что имѣете передъ собой человѣка, совершенно незнакомаго съ этимъ предметомъ? Вы ошиблись. Четыре года тому назадъ я былъ товарищемъ бумагопрядильной фабрики, и самъ управлялъ конторою, которая имѣла довольно обширныя сношенія, именно, въ конторѣ Блюма, Томсона и К^о.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*вздрагиваетъ и опускаетъ ноги на полъ, про себя*). Что я слышу!..

НАУМЕНКО (*не сводя съ него глазъ*). Одинъ разъ, это было 30-го апрѣля 1845 года, какой-то господинъ Перчаткинъ явился въ кассу для полученія денегъ, по довѣренности изъ конторы Рюля и Дентцель (*Харохоровскій смущается все больше и больше*). Хотя у насъ не было получено отъ нашихъ корреспондентовъ никакого предварительнаго извѣстія на счетъ этой довѣренности, мы выдали по ней деньги, потому-что она заключала въ себѣ все признаки форменности. Несмотря на то, довѣренность оказалась фальшивою. При первомъ объясненіи, мы въ этомъ убѣдились: довѣренность вышла дѣйствительно изъ конторы Рюля и Дентцеля, но только подпись была поддѣлана. Мы сдѣлали розыскъ для открытія мошенника. Подозрѣнія нашихъ корреспондентовъ пали въ то-же время на одного молодого человѣка, который занимался у нихъ въ конторѣ и былъ передъ тѣмъ уволенъ за многія весьма важныя несправности. Этотъ человѣкъ назывался Зайченко, но онъ имѣетъ также и другое имя... Что-жъ вы не курите? Сигара ваша подулеть. (*Харохоровскій старается курить, но сигара уже потухла*). Сравнивая эту фальшивую довѣренность со многими бумагами, написанными рукой Зайченка, мы безъ труда узнали одинъ и тотъ-же почеркъ. Очевидно, что этотъ Зайченко, весьма хорошо знакомый съ подписью конторы, гдѣ онъ прежде занимался, составилъ этотъ фальшивый документъ, а можетъ быть, и многіе другіе. Мы справлялись о мнимомъ Перчаткинѣ, по означенному имъ адресу; но, разумѣется, не нашли его, потому-что онъ никогда не существовалъ. Казалось, что слѣдъ вора пропалъ совсѣмъ... Вскорѣ другія важнѣйшія дѣла отвлекли вниманіе наше отъ этого происшествія; мы включили эту сумму въ число убытковъ и забыли объ ней. Но два человѣка видѣли этого Зайченка въ ту минуту, когда онъ явился въ контору; одинъ былъ кассиръ Ниллеръ, другой — акціонеръ фабрики, который тутъ находился случайно и очень хорошо разглядѣлъ предъявителя фальшивой довѣренности. Этотъ акціонеръ былъ — я.

(Харохоровскій ломаетъ съ досады сигару. Науменко хладнокровно). А мнимый Перчаткинъ, или Зайченко, который носить еще третье имя, словомъ этотъ воръ — были вы.

ХАРОХОРОВСКІЙ (вскакиваетъ, бросая на Науменко свирѣпый взглядъ). Подлая клевета! низкая ложь! вы заплатите мнѣ жизнью за это оскорбленіе.

НАУМЕНКО. Не думаю; но прежде позвольте мнѣ кончить. У меня память на лица превосходная: ваше лицо поразило меня съ перваго раза. Когда я васъ встрѣтилъ въ домѣ моего тестя, воспоминанія мои пробудились, и я васъ узналъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Я вамъ говорю, что это подлая ложь!

НАУМЕНКО. Ну—съ, на этотъ счетъ будьте спокойны: глазъ и память у меня не обманчивы. Рюль и Дентцель насъ увѣдомили, что подозрѣваемый ими человекъ называется Савва Зайченко—Харохоровскій. Въ другомъ мѣстѣ васъ звали просто Зайченко; но, вѣроятно, найдя, что имя это отслужило свой срокъ, вы его бросили и довольствуетесь тодько Харохоровскимъ; какъ бываетъ часто въ сраженіи: раненую лошадь бросаютъ и берутъ здоровую.

ХАРОХОРОВСКІЙ (задыхаясь отъ бѣшенства). Хорошо!.. продолжайте... Когда вы кончите, мы раздѣлаемся.

НАУМЕНКО (не теряя хладнокровія). Я могъ бы тогда-же сорвать съ васъ личину; но я не привыкъ дѣйствовать неосмотрительно. Я рѣшился обличить васъ съ неопровержимыми доказательствами въ рукахъ. Я выписалъ отъ Блюма—Томсона фальшивую довѣренность и всю перениску. Въ ожиданіи желаемой присылки, прошло пять мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ я по-неволѣ принужденъ былъ терпѣть у себя въ домѣ, за моимъ столомъ человекъ, которымъ прельстилось семейство жены моей, не подозрѣвая, что онъ ничто иное, какъ плутъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ (замыливается на Науменко). Дерзкій!

НАУМЕНКО (схватываетъ его руку и, сильно опуская ее, принуждаетъ Харохоровскаго състь). Еще немножко потерпите, я сейчасъ кончу: письмо, которое я ждалъ, чтобы окончательно уличить васъ, наконецъ пришло вчера, и вы были такъ добры, что сами привезли его. Всѣ докуменны, обвиняющіе васъ при мнѣ, вотъ здѣсь, въ бумажникѣ. Хотите ихъ получить обратно, ладно! А нѣтъ—предупреждаю васъ, прямо отсюда я представляю ихъ въ судъ.

ХАРОХОРОВСКІЙ (послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія). Что вы хотите за нихъ?

НАУМЕНКО (показывая на портфель). Пятьдесятъ вонъ этихъ

серій въ промѣнъ моихъ десяти акцій и пятнадцать записокъ Прасковьи Петровны.

ХАРОХОРОВСКІЙ (отсчитываетъ серіи изъ своего портфеля, потомъ изъ ящика своего бюро вынимаетъ связку писемъ). Вотъ письма.

НАУМЕНКО (принимая ихъ). Позвольте перечитать?

ХАРОХОРОВСКІЙ (улыбаясь злобно). О, извольте. (Про себя). Нечего дѣлать! Изъ двухъ золъ меньшее.

НАУМЕНКО (пересчитавъ). Пятнадцать ... счетъ вѣренъ. Теперь потрудитесь завернуть ихъ и запечатать вашей печатью.

ХАРОХОРОВСКІЙ (беретъ большой листъ бумаги). К чему эта предосторожность?

НАУМЕНКО. Я не хочу, чтобы Прасковья Петровна думала, что я читаю ея письма.

ХАРОХОРОВСКІЙ (запечатавъ, отдаетъ пакетъ вмѣстѣ съ серіями Науменку, который возвращаетъ ему акціи и довѣренность).

НАУМЕНКО (прячетъ деньги и письма въ карманъ). Время не потеряно.

ХАРОХОРОВСКІЙ (выхвативъ акціи и довѣренность изъ рукъ Науменки, сжигаетъ ихъ на свѣчкѣ и растаптываетъ пепелъ ногами). А ... все кончено! остается послѣдній расчетъ. На чемъ вы хотите драться?

НАУМЕНКО (улыбаясь). Я не дерусь никогда, а ужъ если придется, такъ на натуральномъ оружіи.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Такъ вы отказываетесь отъ дуэли?

НАУМЕНКО. Рѣшительно.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Но я заставляю васъ! Вы нанесли мнѣ смертельную обиду и хотите, чтобы я перенесъ ее молча? Вы съ ума сошли, мой почтенный! Мы будемъ драться, и не завтра, а сегодня-же. Согласитесь лучше добровольно и немедленно... если не хотите, чтобы я...

НАУМЕНКО. Не совѣтую вамъ повторять этого жеста ... во второй разъ я могу быть менѣе терпѣливъ и, пожалуй, этакъ немножко выброшу васъ въ окошко ... не забудьте, здѣсь третій этажъ! (Расправляетъ руки).

ХАРОХОРОВСКІЙ (всторону). Отъ этого быка все станется. (Вслухъ). Я вамъ говорю, какъ джентльменъ, а вы мнѣ отвѣчаете, какъ извозчикъ!

НАУМЕНКО. А что-жъ извозчикъ? Извозчикъ не поддѣлывается подъ чужія руки.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*задыхаясь отъ гнѣва*). Послушайте ... мы здѣсь одни, здѣсь съ вами толковать нечего ... но въ первый разъ, какъ я васъ встрѣчу въ обществѣ, я вамъ не совѣтую близко подходить ко мнѣ; не то ... клянусь вамъ честью, гдѣ-бы я васъ не встрѣтилъ, я изломаю объ васъ мою трость. Увидимъ, какъ вы тогда откажетесь драться!

НАУМЕНКО (*съ флегмой*). Я васъ приколочу, но драться мы не будемъ; если-бы вы были только дуэлистъ, я, можетъ быть, и сдѣлалъ-бы такую глупость, куда ни шло! Но ты сверхъ того плутъ, нѣтъ такого закона чести, который-бы заставлялъ драться съ плутами.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*внѣ себя*). Вы хотите, чтобъ я васъ убилъ!

НАУМЕНКО (*улыбаясь*). Это меня не тревожитъ. Вызвать на дуэль противника, зная его мирныя правила, и когда самъ попадаешь въ туза, на это не нужно большой храбрости; но убить человека — другое дѣло: тутъ нужна смѣлость. Если вы купили свой фальшивый актъ, такъ ужъ меня не убьете. (*Встаетъ, беретъ тляпу и медленно идетъ къ двери, не поклонясь Харохоровскому*).

ХАРОХОРОВСКІЙ (*опомнясь, бросается къ нему*). До свиданія ... Сегодня я обѣдаю у вашего тестя ... вы тоже будете ... Тамъ, въ присутствіи всего вашего семейства, я вамъ дамъ пощечину ... не падѣйтесь на свои извоищьи кулаки: я буду вооруженъ, и при первомъ вашемъ движеніи, я раскрою вамъ черепъ!

НАУМЕНКО (*беззаботно*). Спасибо, что предупредили. (*Уходитъ*).

ХАРОХОРОВСКІЙ (*ему вслѣдъ*). До свиданія!.. (*Оставшись одинъ*). О! какая неожиданная перемѣна! все рушилось ... въ одно мгновеніе ... я разоренъ ... послѣдняя моя надежда, письма, вырваны изъ рукъ и, въ добавокъ этотъ чурбанъ въ продолженіе двухъ часовъ потѣшался надо мною!.. О мщеніе, они заплатятъ мнѣ дорого! (*Звонитъ. Лакей является*). Карету и одѣваться! (*Уходитъ въ боковую дверь*).

Декорація перемѣняется.

Гостинная на дачѣ Цыпочкина. Налѣво диванъ; передъ нимъ круглый столъ, превращенный на время въ письменный, кресла. Направо дверь въ кабинетъ Науменки. Въ глубинѣ три двери, ведущія въ столовую; онѣ затворены. Налѣво дверь въ кабинетъ.

VIII.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА лежитъ въ изнеможеніи на диванѣ. **ЦЫПОЧКИНЪ** пишетъ у стола, передъ нимъ лежатъ нѣсколько готовыхъ писемъ.

ЦЫПОЧКИНЪ. «Павель Псаичъ и Прас-ко-вья Пет-ровна Цы-поч-ки-ны имѣ-ють честь увѣ-до-мить Три-фо-на Си-до-ро-вича Горемыку.» (*Останавливаясь*). Это мой лучший другъ! старый другъ! (*продолжаетъ читать*). «И супругу его Аграфену Карповну, что обѣдъ ихъ, по случаю внезапной болѣзни Прасковьи Петровны, отлагается.» (*Про себя*). Въ десятой разъ пишу одно и тоже ... (*Любуясь почеркомъ*). А какой почеркъ-то!.. чудо! (*Смотря на Прасковью Петровну*). Бѣдняжка! все для нее тружусь.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Ну, что-жь, скоро-ли конецъ?

ЦЫПОЧКИНЪ. Сейчасъ, дружекъ мой; еще одно (*пишетъ*).

IX.

ТЪ-ЖЕ « НАУМЕНКО.

ЦЫПОЧКИНЪ (*увидѣвъ Науменку, встаетъ съ живостью*). А!.. Наконецъ я тебя поймалъ. Хорошъ молодецъ, куда хорошъ!

НАУМЕНКО. Что такое?

ЦЫПОЧКИНЪ. Какъ-же ты меня увѣрилъ давеча, что Прасковья Петровна согласилась передать тебѣ акціи? А теперь она меня бранить; какъ-будто я могъ отгадать, что ты это выдумалъ изъ своей головы. (*Женя*). Дружокъ мой! вотъ спроси его ... пусть онъ объяснится самъ. (*Науменкъ*). Ну ка, Лука Пльичъ, изволь отвѣчать, сказалъ ты мнѣ или нѣтъ, что дѣйствуешь согласно съ Прасковьей Петровной?

НАУМЕНКО. Сказалъ

ЦЫПОЧКИНЪ. Ну, вотъ извольте видѣть.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. (*Науменки*). Вы осмѣливаетесь утверждать, что я согласилась?

НАУМЕНКО. Вы мнѣ ни слова на счетъ этого не говорили. (*Цыпочкинъ и Прасковья Петровна переглядываются и осматриваютъ Науменко съ безпокойствомъ*).

ЦЫПОЧКИНЪ (*про себя*). Да онъ, кажется, нализался въ городѣ. Ужъ не Харохоровскій-ли напоилъ его, чтобы получше оципать...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*Науменки*). Объясните-ли вы, наконецъ, что это значить?

НАУМЕНКО. Съ удовольствіемъ. Я не могъ располагать акціями, пока онѣ не были моею собственностью, и чтобы заставить вашего мужа передать ихъ мнѣ, я не нашелъ лучшаго средства, какъ подѣйствовать на него вашимъ именемъ.

ЦЫПОЧКИНЪ (*трепеща*). Ты осмѣлился передать акціи?

НАУМЕНКО (*смѣясь*). Осмѣлился.

ЦЫПОЧКИНЪ (*про себя*). Это вино придаетъ ему смѣлость; я никогда не видалъ его въ такомъ видѣ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Я теряю терпѣніе. Скажите вы мнѣ или нѣтъ, что вы сдѣлали съ акціями?

НАУМЕНКО. Да говорится: утро вечера мудренѣе. Замѣчаніе Павла Исаича касательно непрочности нѣкоторыхъ коммерческихъ предпріятій, показалось мнѣ сегодня утромъ весьма основательнымъ, хотя вчера я съ нимъ и не соглашался. Въместо того, чтобы взять у г. Харохоровскаго новыя акціи, я возвратилъ ему старыя.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА И ЦЫПОЧКИНЪ (*вмѣстѣ*). И онъ взялъ ихъ?

НАУМЕНКО. Разумѣется, вотъ и деньги. (*Вынимаетъ изъ бумажника серіи и кладетъ ихъ на столъ*).

ЦЫПОЧКИНЪ (*протягивая съ радостью къ нимъ руки*). Вы вырвали деньги изъ когтей Харохоровскаго, и онъ не сдѣлалъ никакого затрудненія?

НАУМЕНКО. Да, съ начала; но мы наконецъ сошлись. И такъ вотъ ваши двѣ тысячи пятьсотъ рублей. Хотите ихъ оставить у меня въ счетъ приданаго вашей дочери, я возьму ихъ; а не то отдадите мнѣ все вмѣстѣ — я и на то согласенъ.

ЦЫПОЧКИНЪ (*смотря вопросительно на жену*). Мы... сочтемся послѣ. Прежде всего, милый мой Лука Ильичъ, прости меня за дурную мысль: я вообразилъ, что ты въ городѣ подгулялъ и что этотъ краснойбай Харохоровскій тебя провель; а выходитъ напротивъ, что ты

его мастерски поддѣлъ. Ты, братъ, себѣ на умѣ ... а съ виду кажется воды не замутишь ... (*Прасковья Петровна во все время наблюдаетъ внимательно за Науменкой*).

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*прерывая Цыпочкина, съ притворнымъ равнодушіемъ*). Что, вы кончили письма?

ЦЫПОЧКИНЪ. Только адреса надѣлать.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*про себя*). Надо удалить его. (*Вслухъ*). Я сама напишу. Подите, скажите Егору, чтобъ онъ былъ готовъ; надобно разнести ихъ поскорѣе

НАУМЕНКО. Такъ это циркулярно?

ЦЫПОЧКИНЪ. Ты знаешь, мы пригласили сегодня человѣкъ десять обѣдать: но Прасковья Петровна не очень здорова, и мы рѣшились отложить.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Я вамъ сказала, чтобы вы шли къ Егору.

ЦЫПОЧКИНЪ. Бѣгу, бѣгу, дружокъ мой. (*Уходитъ*).

X.

ТѢ-ЖЕ КРОМѢ ЦЫПОЧКИНА.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*садится за столъ, надписываетъ нѣсколько адресовъ, потомъ обращается къ Науменкѣ, притворяясь равнодушной*). Такъ вы видѣли Харохоровскаго?

НАУМЕНКО. Только-что отъ него.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Когда вы предложили взять обратно акціи, онъ не сдѣлалъ никакихъ затрудненій?

НАУМЕНКО. Я отстранилъ ихъ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. А какими средствами?

НАУМЕНКО. Цѣль достигнута — и довольно.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*надписавъ еще нѣсколько адресовъ*). Вы только объ акціяхъ говорили?

НАУМЕНКО. Мы говорили о разныхъ разностяхъ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*съ беспокойствомъ*). А, а! Но вѣрно ни о чемъ важномъ ... что-бы стоило передать мнѣ?

НАУМЕНКО (*смотря на нее съ сожалѣніемъ, про себя*). Бѣдная женщина! Утѣшу ее. (*Вынимаетъ свертокъ писемъ, и кладетъ его на столъ*).

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (беретъ съ удивленіемъ свертокъ, и замптвивъ печать Харохоровскаго). Его печать! (Распечатываетъ съ поспѣшностью. Письма разсыпаются передъ ней; въ сильномъ волненіи). Мои письма! (Встаетъ и беретъ руку Науменки). О! я вамъ обязана болѣе, чѣмъ жизнью.

НАУМЕНКО (хладнокровно). Спрячьте ихъ. (Прасковья Петровна собираетъ письма; хочетъ спрятать ихъ, но вдругъ останавливается и начинаетъ ихъ считать). Напрасно, все цѣлы.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Все!

НАУМЕНКО. Пятнадцать.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (смиющаяся). Вы считали ихъ?

НАУМЕНКО. Только считалъ; но не читалъ, печать вамъ служить доказательствомъ!

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. О! вы благороднѣйшій человекъ! я никогда себѣ не прощу обращенія съ вами сегодня утромъ. Я усомнилась въ васъ въ тѣ самую минуту, когда вы мнѣ оказывали услугу, за которую я готова заплатить всей моей жизнью.

НАУМЕНКО. Вы можете заплатить мнѣ гораздо дешевле.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (съ готовностью). О! говорите!

НАУМЕНКО. Я вижу, вамъ теперь лучше. Сдѣлайте мнѣ удовольствие, не откладывайте вашего обѣда.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (немедленно разрываетъ письма). Это шутка. Требуйте отъ меня услуги серьезной. (Цыпочкинъ входитъ неожиданно).

XI.

ТѢ-ЖЕ И ЦЫПОЧКИНЪ сопровождаемый ЕГОРЪМЪ.

ЦЫПОЧКИНЪ. Вотъ и Егоръ! (Зампчая на полу клочки разорванныхъ писемъ). Мои письма! А я цѣлыхъ два часа трудился. (Смотря на Прасковью Петровну). Что-жь, развѣ онѣ дурно были написаны?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Кто вамъ говорить про это! я раздумала.... обѣдъ будетъ и притомъ ужъ теперь поздно разсылать письма.

ЦЫПОЧКИНЪ. Дружекъ мой, позволь тебѣ замѣтить, что при твоёмъ состояніи здоровья, это не благоразумно....

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Мнѣ лучше.

ЦЫПОЧКИНЪ. Тебѣ такъ кажется, но на самомъ дѣлѣ....

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Я вамъ говорю, что мнѣ лучше.

ЦЫПОЧКИНЪ. Я—бы душевно желалъ, чтобы это было правда, но мнѣ кажется, это невозможно....

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Послушайте, Павелъ Исаичъ! Если вы не хотите, что—бы я опять была больна, не говорите со мной. Извольте лучше отправляться и распорядитесь, чтобы все было готово. Слышите!

ЦЫПОЧКИНЪ (*уходя, про себя*). Лучше ужъ не говорить ничего....

ХП.

ТЪ-ЖЕ, кромѣ ЦЫПОЧКИНА.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Теперь мы одни; расскажите мнѣ подробно, какъ все случилось, какимъ волшебствомъ вы восторжествовали надъ Харохоровскимъ?

НАУМЕНКО. Къ чему? Забудемъ лучше прошедшее, для меня — его какъ не бывало. Вы мать жены моей — этого достаточно; остальное до меня не касается. Важнѣе всего, что мы избавились отъ чловѣка опаснаго во многи хъ отношеніяхъ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. О да, все кончено, я надѣюсь.—Онъ также приглашенъ сегодня обѣдать, но вѣрно не будетъ.

НАУМЕНКО. Будетъ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Какъ! онъ осмѣлится?

НАУМЕНКО. Осмѣлится... чего другаго, а смѣлости у него много. Но успокойтесь, я буду съ вами.... Примите его, какъ обыкновенно и, что—бы не случилось, не пугайтесь, я все беру на себя.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*смотря на него пристально, про себя*). Странная перемена! (*Вслухъ, съ принужденной улыбкой*). Право, я не узнаю васъ, Лука Ильичъ: до-сихъ-поръ вы были такъ скромны, такъ кротки, такъ тихи!...

НАУМЕНКО. Какъ мокрая курица, не правда-ли?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Я этого не говорю.

НАУМЕНКО. Но думаете, это совершенно все равно. Что дѣлать, почтеннѣйшая матушка, день на день не приходится.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Характеръ не можетъ такъ скоро измѣниться.

НАУМЕНКО. Да онъ и не измѣнился. Я сегодня тотъ-же, что вчера.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Однакожъ, вашъ взглядъ, вашъ голосъ, ваша осанка, все мнѣ кажется ново. Это просто загадка!

НАУМЕНКО. Хотите разгадать ее?

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Я женщина....

НАУМЕНКО (*серьозно*). А я мужчина; мужчина, а не автоматъ, какъ вы до-сихъ-поръ думали. Вотъ вся загадка. Я объясню вамъ ее въ двухъ словахъ. Я не танцоръ, не шаркунъ, не говорунъ; у меня неталантовъ нѣтъ никакихъ; но я, съ позволенія сказать, честный человекъ, другъ правды, а ужъ въ обязанностяхъ — то-же, что солдатъ во фрунтъ. Женитьбой я не шутилъ, а хотѣлъ быть хорошимъ семейникомъ, составить счастье жены и жить въ любви и мирѣ съ ея семействомъ. Но видите-ли, дядѣ моему захотѣлось поскорѣй меня женить: тяпъ да ляпъ, и обвѣнчалъ насъ, прежде чѣмъ я успѣлъ хорошенько съ вами ознакомиться. Вы желали слышать правду, такъ ужъ теперь не прогибайтеесь! Ни въ васъ, ни въ дочери вашей не нашелъ я ни малѣйшаго сочувствія! Лучшія предположенія души моей приняты вами холодно и безъ вниманія. Я не говорю о мужѣ вашемъ, это прекраснѣйшій человекъ! Но вы, отъ кого больше всего зависѣло мое семейное счастье, вы отказали мнѣ въ своей помощи. Мое вниманіе, моя почтительность, покорность моя, все было обращено вами въ насмѣшку, а жена моя съ точностью во всемъ подражала маменькѣ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Поведеніе жены вашей до меня не касается.

НАУМЕНКО. Какъ! поведеніе дочери не касается до матери! Для чего же законы возлагаютъ на родителей отвѣтственность за пороки дѣтей. Еслибъ Надежда Павловна не имѣла безпрестанно передъ глазами дурнаго примѣра, она всегда уважала — бы доводы мужа, и мнѣ теперь не пришлось-бы подчинить ее моей власти. Но всѣ недостатки ея происходятъ отъ васъ, и только поэтому я къ ней и снисходителенъ. Спустя недѣлю послѣ моей свадьбы, я все понялъ, да не хотѣлось шума, огласки — а то-бы я тогда-же поставилъ всякаго на свое мѣсто. Но я покорился необходимости, скрѣпя сердце, и сдержалъ въ уздѣ свой характеръ, обыкновенно не совѣмъ покорный. Пять мѣсяцевъ я выказывалъ терпѣніе, равнодушіе, покорность, словомъ, былъ ручнымъ... да, ручнымъ, слово это хорошо выражаетъ мою мысль; я рассчиталъ, что если не укрошу вашего деспотическаго духа этими мягкими средствами, такъ по-крайней-мѣрѣ буду имѣть право, купленное дорого, противопоставить мою твердость вашему упрямству. Срокъ наступилъ: пора намъ обмѣняться ролями. Съ нынѣшняго дня у насъ будетъ новый порядокъ.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (*смущенная*). Что это, ссора? Неужели у васъ такъ мало великодушія, что въ ту самую минуту, когда вы мнѣ оказываете такую важную услугу, вы хотите со мной поссориться за пустое недоразумѣніе, которое такъ легко поправить.

НАУМЕНКО. Ссоры — нѣтъ, не будетъ, если вы сами этого не захотите. Вы теща моя, и всегда найдете во мнѣ должное вниманіе, уваженіе, попеченіе и прочее и прочее; что-же касается до управленія домомъ, такъ ужъ извините, это дѣло мое, а потому прошу васъ покорнѣйше не забывать, что съ нынѣшняго дня здѣсь одинъ хозяинъ—я! (*Кланяется почтительно и уходитъ*).

XIII.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА одна.

Власть моя кончена ... и я должна покориться ... но при первомъ удобномъ случаѣ я увезу Павла Исаича куда-нибудь подальше .. а то еще пожалуй и заразится ... (*посль непродолжительнаго размышленія*). Какъ наружность обманчива! Могла-ли я ожидать, что этотъ простякъ, тюря, какъ мы его называли, въ-самомъ-дѣлѣ ... Но, какое-то предчувствіе говоритъ мнѣ, что еще не все кончено и быть грозѣ ... (*Двери въ глубинѣ растворяются, въ столовой виднѣсь накрытый столъ, около котораго суетится Цыпочкинъ, Егоръ. Надя выходитъ изъ двери навильднѣ. Гости начинаютъ съѣзжаться*).

XIV.

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА на диванѣ, **НАДЯ** подлѣ нея, **ЦЫПОЧКИНЪ** въ столовой.

ЦЫПОЧКИНЪ (*Егору*). Бѣлое вино поставь сюда, а красное сюда ... принеси льду ... да скажи Матренѣ, чтобы она погодила ставить пирожки ... да чтобы хорошенько застудила желе (*подходя къ Прасковьѣ Петровнѣ*). Дружекъ мой, все готово. (*Входитъ Трифонъ Сидоровичъ съ женой*). А, другъ мой! всегда первый, вотъ за это люблю.

ДРУГЪ. О да!

ЦЫПОЧКИНЪ (смотря въ окно). А вотъ и Лука Ильичъ съ цѣлою компаніей идетъ сюда; вѣрно показывалъ свою спаржу.

XV.

ТЪ-ЖЕ и **НАУМЕНКО** въ сопровожденіи четырехъ молодыхъ людей.

НАУМЕНКО (молодымъ людямъ). То, что вы видите здѣсь, ничего не значить ... а вотъ, милости прошу ко мнѣ въ Малороссію ... тамъ я васъ поподчую арбузами, вотъ ... (ищетъ предметъ для сравненія). какъ-бы вамъ не солгать ... (показывая на голову Трифона Сидорыча) вотъ больше головы Трифона Сидорыча! (Другъ разъвѣваетъ ротъ). Ну, что Трифонъ Сидорычъ! какова погода? жарко?

ДРУГЪ. О да!

(Поджарый молодой человекъ рисуется передъ дамами, которыя не обращаютъ на него вниманія. Прасковья Петровна оглядывается съ безпокойствомъ всякій разъ какъ входитъ новое лицо).

ПОДЖАРЫЙ. Представьте себѣ, Прасковья Петровна ...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (смотря на дверь). Все не онъ!..

ПОДЖАРЫЙ. Представьте себѣ, Надежда Павловна ...

НАДЯ (смотря на часы). Онъ вѣрно не будетъ.

ПОДЖАРЫЙ (съ отчаяніемъ пускается въ разговоръ съ женой Трифона Сидоровича). Представьте себѣ, Аграфена Павловна ...

ЦЫПОЧКИНЪ (ходитъ изъ угла въ уголъ, обдумывая планъ). Не знаю какъ приступить ... Прасковья Петровна, кажется, не въ духъ... взволнована ... (къ полголоса женя). Дружекъ мой, скоро пять часовъ, вѣрно Харохоровскій не будетъ, вѣдь мы съ нимъ безъ церемоній. Не порэ-ли подавать кушать?.. Все переварится ... курица ...

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Оставьте меня въ покоѣ съ вашей курицей. (Раздается сильный ударъ звонка, Прасковья Петровна вздрагиваетъ).

ЕГОРЪ (громко). Савва Савичъ Харохоровскій!

(Харохоровскій входитъ въ изысканномъ туалетъ, съ хлыстикомъ въ рукахъ и лорнетомъ, клянясь Присковью Петровнъ съ особенною въжливостью).

ХАРОХОРОВСКІЙ. Какъ вы провели ночь?.. довольны—ли вы ... своимъ здоровьемъ ... (Бросаетъ Надеждѣ Павловнѣ выразительный взглядъ). А вы, Надежда Павловна? (Лорнируетъ все общество. За мѣтивъ Науменку, который обрѣтается къ нему спиной, разговариваетъ въ группѣ молодыхъ людей. Про себя). А, вотъ онъ .. (Дерзко). Я удивляюсь, господинъ Науменко, что вы позволили себѣ придти сюда, зная что я здѣсь буду! Я кажется, довольно ясно сказалъ вамъ сегодня утромъ, чтобы вы со мною не встрѣчались? Если у васъ такъ слаба память (вертя хлыстикомъ)... я ее укрѣплю.

(Общее удивленіе. Прасковья Петровна и Надя встаютъ. Цыпочкинъ хочетъ идти уговаривать Харохоровскаго, но другъ его удерживаетъ).

НАУМЕНКО (хладнокровно дѣлая знакъ рукой Харохоровскому). Сію минуту! (Обращаясь къ молодымъ людямъ). Господа! пожалуйста со мной. (Дѣлая нѣсколько шаговъ къ Харохоровскому). Милостивый государь! завязка этой комедіи слишкомъ любопытна, чтобы заставить долго ждать развязки.

ХАРОХОРОВСКІЙ. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

ЦЫПОЧКИНЪ (бросается изъ стороны въ сторону, стараясь уговорить). Господа!... Господа!... у меня въ домѣ Лука Ильичъ....

НАУМЕНКО. Не мѣшайте

ПОДЖАРЫЙ. Прежде, мнѣ кажется, должно. ..

НАУМЕНКО. Ни слова больше. (Обращается къ гостямъ). Господа! я вамъ послѣ объясню эту трагическую комедію; теперь же прошу васъ остаться нѣмыми зрителями. (Показывая на Харохоровскаго). Этотъ господинъ, котораго вы знаете всѣ по репутаціи, хочетъ меня заставить драться. Но я не могу принять вызова отъ этого господина, потому-что...

ХАРОХОРОВСКІЙ. Берегитесь.

НАУМЕНКО (не обращая вниманія). Чего-же беречься? Я только

называю каждого по имени... потому-что онъ—плутъ! (*Общее движеніе. Харохоровскій замахиивается, его останавлииваютъ*). Я предупредилъ его сегодня утромъ, что за первой личной обидой послѣдуетъ примѣрное наказаніе. Вы все были свидѣтелями обиды, будьте-же свидѣтелями наказанія. Но зала эта неудобна ... и здѣсь есть дамы. Неудобно-ли вамъ пожаловать ко мнѣ въ кабинетъ?

ХАРОХОРОВСКІЙ (*идя съ торжественнымъ видомъ*). Хоть въ Китай! Хоть въ преисподнюю!

МОЛОДЫЕ ЛЮДИ. Лука Ильича! что вы дѣлаете?

НАУМЕНКО (*выхватывая трость изъ рукъ одного изъ нихъ*). Прочь! развѣ вы не видите, что онъ вооруженъ. (*Идетъ въ кабинетъ, молодые люди слѣдуютъ за нимъ и становятся у двери. Гости толпой смотрятъ изъ-за нихъ*).

НАУМЕНКО (*за сценой*). Защищайтесь! (*Слышны вскрики Харохоровскаго*).

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Мнѣ дурно! (*Падаетъ на диванъ*).

НАДЯ (*заботясь около нея*). Боже мой! чѣмъ все это кончится?

ХАРОХОРОВСКІЙ (*выбѣгаетъ изъ кабинета въ безпорядкѣ*). Такое оскорбленіе... Мнѣ! мнѣ, который убилъ на дуэль троихъ и ранилъ четырехъ. Нѣтъ, это сонъ! (*Ощупывая спину*). Ой!

НАУМЕНКО (*выходя*). Жизнь ваша мнѣ не нужна, я только хотѣлъ васъ исправить. Если этого урока мало (*вертя тростью*), я готовъ подать знакъ къ новой музыкѣ.

ХАРОХОРОВСКІЙ (*уходя поспѣшно*). Уѣду за-границу!

НАДЯ (*смотря ему вслѣдъ*). И я могла любить его! Презрѣнный!

ЦЫПОЧКИНЪ. Какъ онъ его отдѣлалъ! Теперь ужъ не вернется!

НАУМЕНКО (*обществу*). Господа! комедія кончена. (*Серьозно*). Я сейчасъ объясню, почему я такъ раздѣлался съ Харохоровскимъ. Но если кому-нибудь изъ васъ поступокъ мой кажется не деликатнымъ, и онъ полагаетъ, что я сдѣлалъ это изъ трусости, того я прошу объясниться со мной, и я готовъ доказать ему на дѣлѣ, что онъ ошибается. (*Гости, слушавшіе его до конца со вниманіемъ, благоразумно расходятся въ разныя стороны*).

НАДЯ (*про себя*). Я не умѣла оцѣнить его!

НАУМЕНКО (*подождавъ отвѣта*). Никто! значить все меня оправдываютъ! Если такъ, извините, что я такъ долго заставилъ васъ ждать обѣда. Неудобно-ли вамъ пожаловать въ столовую и закусить. Почтенный Трифонъ Сидорычъ, просите гостей, я сейчасъ-же явлюсь за вами.

ДРУГЪ (*съ поспѣшностью идетъ въ столовую*). О да! (*Гости слѣдуютъ за нимъ*).

ЦЫПОЧКИНЪ. Насилу-то. (*Бѣжитъ въ столовую*). Егоръ, вели ставить пирожки! (*Прасковья Петровна и Надя остаются въ гостиной*).

НАУМЕНКО (*становится передъ ними Серьозно, но ласково*). Надя! я сегодня объяснился съ твоей матушкой; она возьметъ на себя трудъ передать тебѣ послѣ слова мои. Я не люблю повтореній. Я не красавецъ, не одаренъ ни блистательнымъ умомъ, ни привлекательной любезностью: вотъ мое мнѣнiе о себѣ; твое нѣсколько строже: по-твоему я просто глушь, смѣшонъ и скучень.

НАДЯ (*смутясь*). Напротивъ....

НАУМЕНКО. Не притворяйся я все знаю — все!

НАДЯ (*закрывая лицо руками*). О! (*Она падаетъ передъ нимъ на колѣна, онъ ее быстро поднимаетъ*).

НАУМЕНКО (*нѣжно*). Я-бы желалъ тебѣ правиться. (*Серьозно*). Но такъ-какъ природа отказала мнѣ въ достоинствахъ, которыя могутъ заслужить твою нѣжность, я вынужденъ довольствоваться одними правами мужа. Я забываю прошедшее; скажу только, что поведенiе твое до-сихъ-поръ было неосмотрительно я извиняю первую ошибку, буду меньше снисходителенъ ко второй, но не прощу никогда вины. Теперь отъ тебя зависить избрать войну или миръ.

НАДЯ (*бросается къ нему въ объятiя*). О! какъ ты добръ и великодушенъ!

НАУМЕНКО (*устремивъ взоры къ небу*). Благодарю тебя! (*Торжественное молчанiе*).

ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА. Какая идиллiя! Все отомщу на Павлѣ Псаичѣ.

ЦЫПОЧКИНЪ (*выходя изъ столовой*). Супъ простынетъ; давно поганъ.

НАУМЕНКО (*освободясь тихо изъ объятій жены*). Теперь за столъ! И выпьемъ за наше будущее счастье.

ЦЫПОЧКИНЪ. Шампанскаго!

(*Занавѣсь опускается*).